

Диана Уинн Джонс

Diana Wynne Jones

**ВОЛШЕБНЫЙ
ВИТРАЖ**

Диана Джонс

Волшебный витраж

«Азбука-Аттикус»

2010

Джонс Д. У.

Волшебный витраж / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-07580-1

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько яркие, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Эйдан всегда знал, что волшебники существуют, хотя никто этого не замечает. Он даже умел немного колдовать. И когда по его душу явились зловещие незваные гости, он без колебаний бежал из Лондона к опытному волшебнику, о котором ему говорила бабушка. К его разочарованию, старого волшебника он в живых не застал, его дом унаследовал внук, молодой ученый Эндрю Хоуп, которого все вокруг считают рассеянным профессором. Эндрю охотно согласился приютить мальчика, однако сможет ли «профессор» защитить его от загадочных преследователей? Он ведь забыл почти все, чему учил его дед. Но одно Эндрю помнит точно: старинный витраж в двери надо беречь как зеницу ока. С ним связано что-то очень важное и очень волшебное. Только вот что?..

ISBN 978-5-389-07580-1

© Джонс Д. У., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Волшебный витраж	8
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана Уинн Джонс

Волшебный витраж

© А. Бродоцкая, перевод, 2014

© А. Ломаев, иллюстрация на обложке, 2014

© И. Горбунова, иллюстрации в тексте, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Волшебный витраж

Фаре, Чарли, Шерин и всем тем, кто присутствовал на конференции по творчеству Дианы Уинн Джонс без меня

Глава первая

Когда Джослин Брендон умер – а умер он в глубокой старости, как это заведено у волшебников, – то свой дом и область попечения он оставил внуку, Эндрю Брендону Хоупу. Эндрю было тогда за тридцать. Что касается дома – поместья Мелстон-Хаус, – тут можно было ограничиться завещанием. Однако область попечения старик Джослин был твердо намерен передать как положено, из рук в руки.

Приближение кончины Джослин почувствовал заранее. Он знал, что доехать до него Эндрю может очень быстро. Стоит взобраться на вершину холма Мелл, который высится за домом, и сразу увидишь университет, где преподает Эндрю: темно-синее пятнышко на краю просторной сине-зеленой равнины, всего полчаса езды на машине. Поэтому, едва старик Джослин понял, что настал его смертный час, он сразу велел своей домоправительнице миссис Сток позвонить внуку.

Позвонить-то миссис Сток позвонила. Однако дозвониться, по правде говоря, не слишком старалась. Она считала, что хворь у старика пустячная, а главное – не одобряла, что дочка Джослина вышла замуж за одного из этих Хоупов (он-то и загнал ее в гроб, и поделом). А как следствие, не одобряла и сына этой самой дочки, Эндрю Хоупа. И вообще она ждала врача и не желала метаться от телефона к двери. Поэтому она, конечно, пробилась сквозь хитроумную университетскую систему внутренних номеров и коммутаторов и добралась до исторического

факультета, но, когда некая девица на этом самом факультете, назвавшаяся ассистенткой-лаборанткой, сообщила миссис Сток, что доктор Хоуп в данный момент на заседании кафедры, домоправительница попросту махнула рукой и повесила трубку.

На самом деле в тот вечер Эндрю Хоуп ехал примерно в направлении Мелстона – он возвращался с раскопок, связанных с его научной работой. А ассистентка-лаборантка не имела ни малейшего представления, где он, и попросту соврала миссис Сток, как врала всем и каждому. Эндрю только-только проехал затейливую колдобину, после которой, как он всегда отмечал про себя, все становилось иначе. Спустились сумерки, Эндрю включил фары. К счастью, ехал он не быстро. В свете фар внезапно возникла фигура – черная, человеческая и вроде бы размахивающая руками.

Эндрю ударил по тормозам. Машину занесло, шины завизжали, оставив длинный извилистый след, перед перепуганным Эндрю пронеслись всяческие мелкие травинки, веточки и колючки в зарослях по обочинам дороги, высвеченные ярким светом фар. Потом машина перевалилась через что-то тошнотворно-мягкое. И остановилась.

Эндрю распахнул дверцу и выпрыгнул на дорогу. Вляпался в то самое тошнотворно-мягкое. Оказалось, это жидкая глина в канаве, где завязло правое переднее колесо. Эндрю в ужасе выдернул ногу из жижи, прошлепал вокруг капота и заглянул под остальные три колеса. Ничего. Видимо, мягкий выступ на дороге – это был бугорок между дорогой и канавой. Эндрю еще раз проверил, что никого не задавил, и лишь после этого огляделся и увидел в лучах фар ту самую человеческую фигуру, что заставила его остановиться. Фигура была высокая, тощая и очень похожая на самого Эндрю, только седовласая, слегка сутулая и, в отличие от Эндрю, без очков. Зрение у Джослина всегда было отменное: полезная штука волшебство.

Эндрю узнал деда.

– Хорошо хоть я тебя не переехал, – проговорил он. – Или все-таки переехал?

Спросил он потому, что сквозь дедово туловище, как он теперь заметил, просвечивала белая разделительная полоса на дороге.

Дед помотал головой, усмехнулся и что-то протянул Эндрю. Поначалу Эндрю не разобрал, что это. Пришлось подойти поближе, снять очки и всмотреться. Судя по всему, это была сложенная бумага с черной сургучной печатью на уголке. Старик нетерпеливо потряс бумагой и снова протянул ее внуку. Эндрю опасливо прикоснулся было к ней. Но пальцы прошли сквозь бумагу и в один миг очень сильно замерзли. Словно Эндрю на секунду сунул руку в морозилку.

– Извини, – сдался он. – Лучше я, пожалуй, приеду к тебе и возьму ее.

Его дед поглядел на бумагу в руке с выражением крайней досады, и кивнул. Потом отступил на шаг – и стоило ему выйти из косых лучей фар, как он исчез. Осталась только темная дорога, ведущая под уклон.

Эндрю и сам вышел из лучей фар и удостоверился, что дед исчез. А удостоверившись, снова нацепил очки и вытащил из канавы свой правый ботинок. Потом немного постоял в задумчивости, глядя, как правое переднее колесо машины медленно погружается в жидкую грязь.

Эндрю подумал о движении Земли и светил, о пространстве и времени. Об Эйнштейне и об орбитальных телескопах. О том, что положение колеса в канаве – всего лишь временное обстоятельство и относительный факт, который был ложным пять минут назад и через пять минут снова станет ложным. Подумал о скорости и мощности заноса, о выталкивающей силе жижи в канаве. Подумал о гравитации и о том, как она становится собственной противоположностью. После чего Эндрю встал на колени, уперся одной рукой в травянистую грязь, а другой – в колесо и растолкал их в разные стороны. Машина послушно, хотя и не без недовольного чавканья и чмокания, выдвинулась из канавы, перевалилась через край и водворилась обратно на дорогу. Эндрю сел на водительское сиденье, чтобы надеть ботинок, и не без горечи подумал, что вполне можно было бы не лезть в грязь, а просто встать на обочину и поманить машину к себе. Да, над практическим применением магии теперь надо будет поработать серьезнее. Эх... Эндрю вздохнул.

И поехал в дедовское поместье.

– Умер, да? – спросил он, когда миссис Сток открыла ему дверь.

Миссис Сток кивнула и успокоила свою скудную совесть словами:

– Я так и знала, что вы сразу почуете.

Эндрю шагнул за парадную дверь и вступил во владение наследством.

Хлопот, конечно, было предостаточно – не только в самом Мелстоне и в Мелфорде, близлежащем городке, но и в университете, поскольку Эндрю почти сразу решил уволиться и поселиться в Мелстон-Хаусе. Родители оставили ему достаточно денег, и он решил, что, если присокупить к ним наследство старика Джослина, можно бросить преподавание и написать книгу: об этом он давно мечтал. Эндрю хотел представить миру совершенно новый взгляд на историю. Уйти из университета он был только рад – а особенно рад был уйти от ассистентки-лаборантки. Оъявленная врунья! Просто поразительно, ведь всего год назад он намеревался на ней жениться. Тем не менее Эндрю решил похлопотать, чтобы ее благополучно перевели на другую должность, – и похлопотал.

В общем, прошел почти год, прежде чем Эндрю смог окончательно переехать в Мелстон-Хаус. Потом ему пришлось проследить, чтобы были сделаны всевозможные выплаты другим наследникам по завещанию. И он проследил и за этим, хотя завещание, переданное ему, оказалось не того размера и формата, что бумага, которую пытался ему вручить дедовский призрак. Несколько удивившись этому обстоятельству, Эндрю только пожал плечами и отсчитал миссис Сток ее пятьсот фунтов.

– Да, я надеюсь, что вы будете работать у меня точно так же, как у моего деда, – сказал он.

В ответ она только буркнула:

– Куда вам без меня! Вы же профессор, вечно в облаках витаете!

Эндрю предпочел расценить это как согласие.

– Я не профессор, – мягко поправил он. – Просто университетский преподаватель.

Миссис Сток пропустила его слова мимо ушей. С ее точки зрения, совершенно ни к чему было наводить тень на плетень. Раз в университете, значит профессор, если, конечно, не студент, чего доброго. Вот она и растрезвонила всем в Мелфорде, что-де внук старика Джослина – профессор. Вскоре Эндрю привык, что все обращаются к нему «профессор» – в том числе и те, кто писал ему письма из дальних краев относительно разных тонкостей фольклора или с вопросами о волшебстве.

Потом Эндрю пошел и вручил мистеру Стоку, садовнику, его долю наследства – те же пятьсот фунтов.

– И я рассчитываю, что и вы тоже останетесь работать у меня, ведь у вас все чудесно получается, – сказал он.

Мистер Сток оперся о лопату. Он не состоял с миссис Сток ни в родстве, ни даже в браке. Просто фамилию Сток носила примерно половина населения Мелфорда. И у мистера, и у миссис Сток это была любимая мозоль. Друг друга они недолюбливали.

– Надо думать, старая командирша пообещала остаться? – воинственно спросил мистер Сток.

– Я ее так понял, – честно ответил Эндрю.

– Ну тогда и я соглашусь, и посмотрим, кто кого, – объявил мистер Сток и вернулся к окучиванию помидоров.

Вот так и вышло, что Эндрю нанял на работу двух мелких тиранов.

Сам-то он, конечно, так не считал. Для него оба Стока были неотъемлемой принадлежностью поместья – верные дедовские слуги, работавшие в Мелстон-Хаусе, еще когда Эндрю впервые приехал сюда в детстве. Так что он не представлял себе дом без них.

И потому до поры он был на седьмом небе – распаковывал книги, ходил гулять и просто жил-поживал в доме, где мальчиком провел столько счастливых дней. Здесь стоял особый аромат – воска, сырости, парафина и каких-то неуловимых пряностей, – который прямо кричал Эндрю: «Каникулы!»

Мама Эндрю так и не помирилась со стариком Джослином. «Старый суеверный ретроград, – говорила она Эндрю. – Я очень огорчусь, если ты согласишься в ту чушь, что он тебе плетет!»

Однако она почти на все каникулы отправляла Эндрю к деду, дабы подчеркнуть, что с отцом она не в ссоре. Ну, то есть в ссоре, конечно, но окончательно они не разругались.

И вот Эндрю приезжал к старику Джослину, и они гуляли по полям, по лесам, по холму Мелл, и Эндрю столько всего узнавал! Он не припоминал, чтобы Джослин учил его собственно магии, зато помнил, до чего уютно было сидеть с дедом по вечерам у камина в старой сырой гостиной, занавесив огромные стеклянные двери в сад тяжелыми шторами, и слушать деда, и узнавать множество других, не волшебных вещей. Склад ума у старика Джослина Брендона был сугубо практический. Он учил внука мастерить фальшивых мух для наживки, выпиливать шарниры, делать руны для гадания, складывать оригами и клеить воздушных змеев. Они вместе сочиняли загадки и изобретали игры. Одних воспоминаний об этом хватало, чтобы дом казался Эндрю раем – хотя он вынужден был признать, что теперь, когда он поселился здесь навсегда, ему очень не хватало старика.

Однако владение поместьем отчасти это возмещало. Эндрю мог менять что угодно по своему вкусу. По мнению миссис Сток, Эндрю был обязан купить телевизор в гостиную, но Эндрю телевизор не одобрял и покупать не стал. Зато он приобрел холодильник и микроволновку – не обратив внимания на негодование миссис Сток – и прошелся по всему дому с инспекцией, чтобы выяснить, где нужен ремонт.

– Холодильник и микроволновка! – сетовала миссис Сток своей сестрице Трикси. – Можно подумать, я буду замораживать хорошие продукты только ради удовольствия растапливать их обратно какими-то там лучами?!

Трикси обратила внимание миссис Сток на то, что дома у самой миссис Сток имеются обе эти технические новинки.

– Я трудящаяся женщина, мне простительно! – возразила миссис Сток. – Дело не в этом. Я же тебе говорю, этот человек в облаках витает!

Каково же было ее возмущение, когда она наутро явилась в дом и обнаружила, что Эндрю переставил всю мебель в гостиной – и теперь ему хватало света для игры на пианино, а самое удобное кресло переместилось к камину. У миссис Сток ушло все утро, чтобы со стонами и кряхтением переставить все на прежние места.

Эндрю осматривал крышу и пристройку, и когда он вернулся, миссис Сток уже ушла; он немного повздыхал и передвинул все снова туда, где ему нравилось.

На следующее утро миссис Сток вытаращила глаза, ахнула и бросилась передвигать пианино назад, в раз и навсегда отведенный ему самый темный угол.

– Витает в облаках! – пробормотала она, налегая на пианино и запинаясь о ковер.

– Эти мне профессора! – пропыхтела она, растаскивая кресло, кушетку, стол и торшеры обратно на освященные традицией места.

– Да пропади все пропадом! – добавила она, заметив, что теперь ковер лежит наискосок – из угла в угол.

– Да еще и пыль! – воскликнула она, рывком вернув ковер на место.

На борьбу с пылью ушло все утро.

– Теперь вам придется и на обед, и на ужин есть одну и ту же запеканку из цветной капусты! – сообщила она Эндрю с нажимом, чтобы он сразу понял: это намек.

Эндрю с улыбкой кивнул. Мысли его были заняты тем, что пристройка вот-вот рухнет – едва оттуда выветрятся остатки дедовских чар. И крыша тоже. Сквозь скаты потолка на чердаке было видно затянутые паутиной клочки неба. Эндрю думал, сможет ли он позволить себе все необходимые ремонтные работы и при этом установить центральное отопление, о котором он давно мечтал. Пожалуй, напрасно он потратил так много из оставшихся от деда денег на новый компьютер.

Вечером, когда миссис Сток ушла, он достал из новенького холодильника пиццу, выбросил запеканку из цветной капусты и, пока пицца грелась в микроволновке, передвинул мебель в гостиной на свой вкус.

Назавтра миссис Сток с кислым видом поставила все обратно – туда, куда предписывала традиция.

Эндрю пожал плечами и переставил все снова. Поскольку он при этом применял тот же метод, что и с застрявшей машиной, а миссис Сток была вынуждена пользоваться грубой силой, то Эндрю уповал на то, что вскоре она попросту устанет. А пока ее упрямство предоставляет ему прекрасную возможность отточить свои умения по части практического волшебства. Тем вечером, к примеру, пианино послушно выкатилось на свет, стоило ему поманить его пальцем.

А был еще и мистер Сток.

Тирания мистера Стока выражалась в том, что едва Эндрю садился завтракать, как садовник являлся к задней двери, которая открывалась прямо в кухню.

– Ну, поскольку особых распоряжений на сегодня у вас нет, значит все как обычно, – провозглашал он.

И удалялся, оставив дверь распахнутой на сквозняке.

Приходилось Эндрю вскакивать и закрывать дверь, пока ее не захлопнуло ветром. Если дверь хлопнет – дед объяснил это ясно и недвусмысленно, – может разбиться хрупкий витраж

в ее верхней половине. Этот витраж Эндрю очень любил. Мальчиком он часами увлеченно рассматривал сад сквозь разноцветные стеклянные вставки. В зависимости от того, куда глядеть, получался то ярко-розовый предзакатный сад, притихший и безветренный, то бурно-оранжевый сад, где внезапно настала осень, то тропически-зеленый сад, где, казалось, вот-вот запрыгают обезьяны и запорхают попугаи. И так далее. Теперь, повзрослев, Эндрю стал ценить витраж еще больше. Не говоря уже о заключенном в нем волшебстве, витраж был древний-древний. В стекле было полно всяких внутренних складочек и впаянных пузырьков, а давно покойный мастер-стеклодув умудрился сделать цвета одновременно и яркими, и затуманенными, так что, скажем, фиолетовая вставка при некотором освещении делалась одновременно густо-лиловой и приглушенно-сиро-сиреневой. Если бы хоть одно стеклышко разбилось или даже треснуло, сердце Эндрю разбилось бы вместе с ним.

Мистер Сток это прекрасно понимал. Он, как и миссис Сток, добивался только одного: чтобы Эндрю не вздумалось ничего менять.

К несчастью для мистера Стока, земли вокруг дома Эндрю проинспектировал так же тщательно, как и сам Мелстон-Хаус. Огород, обнесенный каменной оградой, был прекрасен. Мистер Сток поставил себе честолюбивую цель завоевать первый приз во всех овощных номинациях на Мелстонском летнем фестивале, а экспонаты он выставял и из своего огорода, что неподалеку, и из огорода Эндрю. Поэтому овощи у него были феноменальные. А больше мистер Сток ничего не желал делать, разве что газоны стриг. При виде цветника Эндрю лишь покачал головой, а при взгляде на фруктовый сад болезненно поморщился.

Прошло месяца два, в продолжение которых Эндрю терпеливо ждал, когда миссис Сток бросит его воспитывать, а мистер Сток перестанет твердить свое «как обычно», и он уже приучился вскакивать, едва заслышав шаги садовника. Эндрю сам открывал перед мистером Стоком драгоценную дверь, готовый при первой возможности плотно затворить ее у него за спиной, и говорил, например: «Мне кажется, сегодня самое время выколоть всю крапиву с главной альпийской горки», «Прошу вас, составьте список саженцев кустов на замену тем, что засохли, я их закажу» и «Было бы нелишним сегодня подрезать яблони, все равно ни одна из них не плодоносит». И так далее. Мистер Сток волей-неволей был вынужден оставлять овощи без внимания – иногда по несколько дней напролет.

Мстил мистер Сток всегда одинаково. В следующий понедельник он открыл заднюю дверь пинком. Эндрю еле успел поймать ее, иначе она ударилась бы о стену с внутренней стороны, – и для этого ему пришлось отшвырнуть тост и броситься к дверной ручке, едва завидев силуэт шляпы мистера Стока сквозь цветное стекло.

– Одной рукой не удержите, – предупредил мистер Сток. – Вот, возьмите. – И он сунул в руки Эндрю большую картонную коробку, доверху нагруженную овощами. – И будьте любезны съесть все это сами, ясно? Смотрите у меня, командирше ничего не давайте! А то она на руку нечиста. Знаю я эту хапугу. Только волю дай – тут же хват все себе в сумочку и давай деру домой! Так что ешьте сами. И не вздумайте выбрасывать. Я все узнаю. Я вывожу мусор. И нечего тут. И на сегодня никаких особенных распоряжений. Я как обычно, да?

– Прошу прощения, вообще-то, распоряжения есть, – произнес Эндрю. – Нужно подвязать и мульчировать розы.

Мистер Сток вытаращился на него, не веря своим ушам. Бунт на корабле!

– Если можно, – добавил Эндрю, по обыкновению, вежливо.

– Да я... – только и вымолвил мистер Сток.

После чего повернулся и затопал прочь.

Эндрю прикрыл дверь ногой, очень бережно, и водрузил картонную коробку на стол рядом с тостом. Иначе он просто уронил бы ее, до того она была тяжеленная. По вскрытии в коробке оказалось шесть великанских луковиц, пучок морковок по двенадцать дюймов каждая, кочан капусты больше головы Эндрю, десять перцев размером с дыни, брюквина с хоро-

ший булыжник и кабачок длиной с туловище небольшого крокодила. Свободные места были тщательно законопачены переспелым горохом и двухфутовыми стручками фасоли. Эндрю улыбнулся. Все это, похоже, немного недотягивало до стандартов Мелстонского фестиваля. Несколько самых аппетитных плодов Эндрю оставил на столе, а остальное затолкал обратно в коробку и спрятал ее в углу кладовой.

Миссис Сток, само собой, тоже увидела коробку.

– Тоже выдумал – спихивать нам свои отбросы! – вознегодовала она. – Только посмотрите, какие здоровущие! Все в рост ушли, а вкуса ни на грош. И куда мне девать столько картошки, скажите на милость? Свистульки из нее вырезать? Ну что за человек, просто слов не хватает!

Она сняла пальто и отправилась двигать мебель. Война еще не кончилась.

Назавтра мистер Сток распахнул дверь пинком ради коробки с четырнадцатью пучками салата. В среду он для разнообразия поприветствовал Эндрю, когда Эндрю вышел проверить состояние садовой ограды, и презентовал ему еще одну картонную коробку, содержащую десять кило помидоров и патиссон, похожий на приплюснутую голову младенца. В четверговой коробке оказалось семнадцать кочанов цветной капусты.

Эндрю любезно улыбался и принимал все это, пошатываясь под тяжестью коробок. Точно так же бывало, когда мистера Стока сердил его дед. Они часто думали – Эндрю с дедом, – неужели мистер Сток нарочно копит картонные коробки и держит наготове на случай, если хозяин вызовет его неудовольствие. Помидоры Эндрю передал миссис Сток.

– Думаю, лучше всего приготовить из них чатни, – сказал он.

– Чатни? Индийскую приправу?! Когда мне, интересно, этим заниматься, у меня же дел по горло!.. – Миссис Сток несколько смутилась и умолкла.

– Надо двигать мебель в гостиной? – уточнил Эндрю. – Быть может, вам удастся выкроить немного времени...

И миссис Сток волей-неволей была вынуждена готовить чатни.

– Витает в облаках! – бормотала она над уксусно-алым варевом, булькавшим в кастрюле, а потом, когда она разливала готовую приправу по банкам ложкой и промахивалась и на столе возникали липкие лужицы, восклицала: – Эти мне профессора! Эти мне мужчины!

Уже облачаясь в пальто перед уходом, миссис Сток крикнула Эндрю:

– А что стол теперь заставлен банками, так ничего тут не поделаешь. Этикетки на них я смогу наклеить только завтра, а до тех пор пусть стоят на месте!

Оставшись один, Эндрю сделал то же самое, что и во все остальные вечера на той неделе. Он выволок из кладовой сегодняшнюю коробку и вытащил наружу, туда, где крыша деревянного сарая покато спускалась примерно на уровень его роста. Подставив кухонную табуретку, Эндрю выложил туда все овощи. Мистер Сток на верхотуре ничего не увидит, учил его в свое время дед, и миссис Сток тоже.

К утру помидоров, патиссона и цветной капусты и след простыл, а кабачок остался. При внимательном осмотре у самого сарая обнаружилась проплешина примятой травы, однако Эндрю помнил дедовы наставления и дальнейшее расследование не проводил. Кабачок он забрал – хотел нарезать и спрятать в морозилке. Однако крокодилову шкуру исполинской штуковины не сумел одолеть ни один нож, и пришлось Эндрю закопать кабачок.

Пятница принесла с собой полторы сотни редисок и пять раздутых баклажанов от мистера Стока. Еще она принесла Эндрю новый компьютер. Долгожданный. Наконец-то. Эндрю забыл о доме, поместье, редиске, обо всем на свете. Целый день он самозабвенно настраивал компьютер и начал создавать базу данных для своей книги, той самой, которую все мечтал написать, книги о новом взгляде на историю.

– А теперь, видишь ли, компютер у него! – сообщила миссис Сток сестре. Выучить мудреное слово ей так и не удалось. – День-деньской от него не отходит, все стук-постук да стук-

постук, будто косточки гремят, прямо мороз по коже! А стоит мне чего спросить – только и долдонит: «Делайте, как считаете нужным, миссис Сток»! Да подай я ему на обед вареные салфетки – он и не заметит!

Ну, он же и в самом деле профессор, напомнила Трикси, а профессора славятся рассеянностью. И вообще мужчины – сущие дети, право слово.

– Профессора! Дети! – воскликнула миссис Сток. – Говорю я тебе, все гораздо хуже! К нему надо человека приставить, чтобы обо всем напоминал, следил за порядком...

Тут ее осенило, и она умолкла.

Мистер Сток по-хозяйски заглянул в окно кабинета Эндрю на первом этаже. Он внимательно посмотрел на новый компьютер, на толстые книги и бумаги, лежавшие вокруг, будто после взрыва, завалившие весь стол, свисавшие и сползавшие с него на стулья, на пол и вообще всюду, на перепутанные провода и кабели. Тут его тоже осенило. К Эндрю надо приставить человека, который следил бы за порядком, человека, который не давал бы ему мешать тем, кто занят настоящим делом. Гм.

В глубокой задумчивости мистер Сток по дороге домой зашел к свояку.

У свояка был прехорошенький домик – под соломенной крышей и со всем, что полагается, хотя мистер Сток никогда не мог взять в толк, как Таркин при его слабом здоровье соглашается жить в эдакой развалюхе только потому, что она красивая. Сам же мистер Сток предпочитал свое современное бунгало с металлопластиковыми окнами. У Таркина окна все перекосились и совершенно не защищали от сквозняков. Однако при виде сада мистер Сток не сдержал завистливой гримасы. Таркин О'Коннор знал толк в своем деле – пусть даже в сущих пустяках вроде цветоводства. Взять хотя бы розы, что росли теперь вдоль тропинки к парадной двери. Нет, одобрить эти старомодные сентиментальные розы мистер Сток никак не мог, но был вынужден признать, что в своем роде они совершенны: большие, пышущие здоровьем гроздья цветов, свежих листьев, бутонов и почек. Да, на фестивале Тарк опять получит все призы, тут сомневаться не приходится. И ухаживают за кустами будьте-нате: ни одна колючая веточка не выбьется над тропинкой и не зацепит идущего к дому гостя. А за живой изгородью – буйство, иначе не скажешь. Напоенный ароматами воздух. Мистер Сток завистливо постучал в дверь.

Таркин заметил мистера Стока издалека. Дверь он открыл почти сразу, опираясь на один костыль.

– А, Стокки,ходи-ходи!

Мистер Сток вошел со словами:

– Рад тебя видеть, Тарк. Как живешь-можешь?

На что Таркин ответил:

– Я тут чайку заварил. Удачно, правда?

Он развернулся на обоих костылях и заковылял в гостиную, занимавшую вместе с кухней весь первый этаж.

На круглом столе под окнами мистер Сток заметил две чашки.

– Ждешь мою племянницу, да?

– Нет, ей еще рано. Тебя жду, – отвечал Таркин, слегка отдуваясь: устроиться с костылями в кресле у чайника было трудненько.

«Шутки шутит? Или у Таркина действительно дар предвидения?» – недоумевал мистер Сток, пока расшнуровывал ботинки.

У Таркина были красивые ковры. Не во вкусе мистера Стока, темные и с восточными узорами, но дорогие. Кроме того, обращаться с пылесосом для бедняги была та еще задачка. Мистер Сток один раз видел, как Таркин изо всех сил оттирает ковер щеткой, балансируя на одном костыле, а культю пристроив на табуретке. Не годится таскать грязь к нему в дом. Мистер Сток поставил ботинки у порога и в одних носках сел напротив Таркина, привычно

недоумевая, зачем Таркин отрастил бороду. Бород мистер Сток не одобрял. Он понимал, что шрамы тут ни при чем, – но зачем тогда на самом кончике подбородка у Таркина торчит черный с проседью клочок волос? Видно же, что все вокруг Таркин тщательно выбрил. Мог бы сбрить и этот клочок, но почему-то не стал.

Таркин О'Коннор раньше был жокеем, очень хорошим и очень известным. Мистер Сток частенько ставил на лошадей, на которых скакал Тарк, и ни разу не терял свои денежки. В те дни Таркин был богат. Сестра мистера Стока (она была много моложе его) купалась в роскоши и, когда заболела, лежала в самой дорогой частной клинике, но все равно умерла. Их дочь получила дорогое образование. А потом Таркин упал с лошади – крайне неудачно. Насколько слышал мистер Сток, Тарку вообще повезло, что он остался жив, – его совсем затоптали, косточки целой не осталось. Больше ему в седло не сесть. Теперь Таркин жил на сбережения да пенсию от Фонда жокеев-инвалидов, а дочь его, гласила молва, отвергла все предложения занять миллионерские должности и поселилась в Мелстоне, чтобы ухаживать за отцом.

– Как делишки у моей племянницы? – спросил мистер Сток, наполовину опустошив вторую чашку чая. – А печенье у тебя ничего. Она испекла?

– Нет. – Таркин пододвинул печенье поближе к мистеру Стоку. – Я. А Стейси... Скорей бы она поняла, что я прекрасно справлюсь и один, и поискала себе где-нибудь работу. Пошла бы для начала в университет, ее бы там сразу взяли.

– А где она сейчас работает? – спросил мистер Сток, хотя, конечно, и сам прекрасно это знал.

Таркин вздохнул:

– Да по-прежнему в Конюшнях. На полставки. И вот честное слово, Ронни ее эксплуатирует. Заставляет вести родословные лошадей и статистику скачек на компьютере, и мне иногда кажется, что я ее уже дома и не дождусь. Там больше никто ни шиша не понимает в этих чертовых машинах.

Компьютер. Именно при виде компьютера мистера Стока и осенило. Он просиял.

– Зазря тратит молодые годы, – объявил он. – Мой-то тоже ввязался в эти компьютерные дела. Везде хлам, бумаги, провода... По-моему, сам не знает, что делает.

Таркин поднял к нему разбойничье лицо с клочком бородки. Ага, занервничал, с удовольствием отметил про себя мистер Сток.

– Но он же понимает, что у него теперь есть область попечения? – встревоженно спросил Таркин.

Мистер Сток только кисло скривился. «Вот и занялся бы своими делами, а меня оставил в покое», – подумал он.

– Ну, тут я ничего сказать не могу. Походил немного туда-сюда, вот уж не знаю зачем. По-моему, он считает, будто приехал сюда книгу писать. Так вот, моя племянница...

– Ну, если он сам не знает, надо, чтобы кто-нибудь ему объяснил, – перебил его Таркин.

– Точно. Очертил бы круг обязанностей, – согласился мистер Сток. – Мне это не по чину. А вот ты вполне мог бы.

– А... Нет-нет. – При одной мысли об этом Таркин весь обмяк в кресле. – Я его и в глаза не видел. – Он немного посидел ссутулившись и подумал. – Да, нам нужен кто-то, кто его вразумит, – проговорил он. – Кто разберется, понимает ли он вообще, что от него здесь требуется, а если нет, все ему скажет. А если...

– Это может сделать твоя дочь, – отважился мистер Сток. – Моя племянница, – добавил он, поскольку его заявление, похоже, совершенно огорошило Таркина. – Если мы с тобой уговорим его, что ему нужен секретарь, а секретарь ему нужен, это уж наверняка – у него, небось, в университете целая толпа была, – а потом скажем, мол, у нас есть на примете подходящая барышня, как ты думаешь, выгорит дельце?

– Нечестно получается, – засомневался Таркин.

– Да нет! Она же высший класс, наша Стейси! – возразил мистер Сток. – И с работой вполне управится, так ведь?

Тут Таркина обуяла гордость, и он даже выпрямился.

– Вся в степенях и дипломах, – сказал он. – А вдруг она для него слишком хороша?

– Ну и для Конюшен она слишком хороша, – в тон ему заметил мистер Сток.

– Да, там ей точно цены не знают, – согласился Таркин. – Ладно, я с ней перемолвлюсь словечком. В понедельник – годится?

«В яблочко!» – возликовал мистер Сток.

– В понедельник так в понедельник, – ответил он.

Примерно в ту же минуту миссис Сток говорила сестре:

– В общем, ничего лишнего Шону втолковывать не надо, просто скажи ему – без него там как без рук. В доме очень нужен помощник, чтобы... ну, например, мебель двигать и вообще. А то никакого сладу с этим профессором!

– Можно, я в общих чертах изложу ему должностную инструкцию? – спросила Трикси.

– Ну у тебя и выражения, – оторопела миссис Сток. – Короче говоря, кто-то должен что-то сделать, а у меня и без того забот по горло. Вернемся к этому в понедельник с утра пораньше, хорошо?

Вот так против Эндрю и составилась коварный шпионский заговор. Только, к сожалению, ни мистер, ни миссис Сток не слишком углублялись в то, каков Эндрю на самом деле и почему, собственно, Мелстон – такое странное место, и неудивительно, что все пошло совсем не по плану.

В основном потому, что в понедельник объявился еще и Эйдан Кейн.

Глава вторая

Эйдан Кейн вышел из поезда на станции Мелфорд и встал в очередь на такси. Очередь потихоньку шаркала вперед, а Эйдан вытащил старый потертый бумажник, который дала ему бабушка перед самой смертью, и осторожно приоткрыл его. Каким-то чудом в бумажнике хватило денег на билет из Лондона по половинному школьному тарифу, а еще на сэндвич с беконом и на шоколадку. А теперь в нем только и осталось, что чеки за еду – маленький за шоколадку и большой за сэндвич. Бабушка учила Эйдана никогда никого не обманывать, но положение было отчаянное.

Шаркая вместе с очередью, Эйдан снял очки и закрыл бумажник. Потом, держа очки во рту за одну дужку, он снова открыл бумажник и пошарил в нем. Да. Два чека на тонкой бумаге теперь выглядели в точности как две банкноты – в двадцать фунтов и в десять. Эйдан с минуту глядел на них без очков – надеялся закрепить достижения, – а потом надел очки обратно. К его великому облегчению, чеки по-прежнему выглядели как деньги.

– Мне... мне надо в Мелстон, – сказал он таксисту, когда подошла его очередь. – Э-э... в Мелстон-Хаус в Мелстоне.

Таксиста совсем не тянуло уезжать от станции на десять миль в поля ради какого-то мальчишки. Он оглядел немытые каштановые волосы Эйдана, грязную флиску, мешковатые джинсы и потрепанные кроссовки, бледное испуганное лицо и дешевые очки.

– Двадцать миль, – буркнул он. – Дорого.

– Сколько? – спросил Эйдан.

При мысли о том, что придется идти двадцать миль пешком, у него подкосились ноги, но, может быть, удастся спросить дорогу. Только как он узнает дом, куда ему надо? Тоже можно спросить. На это уйдет весь день. За это время его настигнет погоня.

Таксист наклонил голову, прикидывая, каких денег у этого мальчишки точно не окажется.

– Тридцать фунтов, – брякнул он. – У тебя есть?

– Да, – кивнул Эйдан. И, к своему величайшему облегчению, забрался в такси, украдкой, чтобы таксист не видел, скрестив пальцы. Таксист раздраженно вздохнул и тронулся.

Да, было и вправду далеко. Такси урчало и рычало по городу долго-долго, и в конце концов Эйдан волей-неволей перестал затаивать дыхание от страха, что сейчас его перехватит погоня, но дышать спокойно он смог лишь тогда, когда такси, рыча и урча уже ровнее, показало по дороге среди полей и лесов. Эйдан глядел в окно на обочины, отороченные кружевным купырем, и думал, что ему, наверное, полагается любоваться сельским пейзажем. Так далеко от Лондона он бывал редко. Однако от волнения он ничего толком не видел. Держал пальцы скрещенными и то и дело косился на счетчик. На счетчике было всего семнадцать шестьдесят, когда они подъехали к деревне – длинной, извилистой, где вдоль дороги виднелись старые дома и новые дома, сады и телеграфные столбы. Потом они поехали под гору, мимо паба и деревенского пастбища, где был пруд для уток и росли высокие деревья, потом снова в гору, мимо приземистой церквушки, тоже окруженной деревьями. Наконец они свернули на проселок, поросший мхом, и со скрежетом остановились у больших железных ворот, над которыми нависал раскидистый бук. На счетчике было восемнадцать сорок.

– Приехали, – объявил таксист, перекрывая пыхтение машины. – Мелстон-Хаус. Тридцать фунтов, пожалуйста.

От волнения у Эйдана застучали зубы.

– На счетчике во... во... восемнадцать... со... сорок, – выдавил он.

– Наценка на загородные поездки, – заявил таксист и даже не покраснел.

По-моему, он меня обманывает, думал Эйдан, вылезая из такси. Это немного смягчило угрызения совести из-за двух чеков, но не сильно. Эйдан от души надеялся, что бумажки не слишком скоро превратятся обратно.

– Чаевых не даете, да? – спросил таксист, забрав мнимые деньги.

– У меня... мне религия запрещает, – ответил Эйдан.

От страха у него плыло перед глазами, и пришлось уткнуться носом в самую каменную колонку ворот, чтобы прочитать глубоко вырезанные на ней слова «Мелстон-Хаус». «Да, я на месте!» – подумал Эйдан, когда такси с ревом укатило по проселку. Он толкнул кованую створку – раздался лязг и много ржавого скрежета – и скользнул на подъездную дорожку за воротами. Он до того разнервничался, что его всего трясло.

За воротами все, похоже, страшно заросло, но когда Эйдан свернул за угол за кустами, то очутился на ярком солнечном свете, а поросший травой изгиб подъездной дорожки вывел его к старому-старому осевшему каменному дому. «Красивый дом», – подумал Эйдан. В кособоких окнах словно бы сквозила улыбка, а за домом рос огромный дуб. Перед парадной дверью Эйдан заметил помятую и поцарапанную, но довольно новую машину – это вселяло надежду. Старый мистер Брендон, должно быть, дома.

Эйдан вошел под плющ, обвивавший входную дверь, и постучал дверным молотком.

Ничего не произошло, и тогда Эйдан нашел спрятавшийся среди плюща звонок и нажал кнопку. Где-то в глубине дома раздалось «блямс-блямс». Почти тут же дверь распахнула тощая женщина со сложной белокурой прической и в накрахмаленном голубом переднике.

– Да иду я, иду! – сказала тощая женщина. – Вот делать мне больше не... Ты кто такой? Я же договорила, что возьмут нашего Шона!

Эйдану захотелось извиниться, что он не «наш Шон», но он не знал, как подобрать слова.

– Я... меня зовут Эйдан Кейн, – проговорил он. – Э-э... можно мне поговорить с мистером Джослином Брендоном?

– Сейчас за него профессор Хоуп, – не без злорадства сообщила тощая женщина. – Его внук. Старый мистер Брендон уже год как покойник.

Она не стала добавлять «А теперь убирайся», однако Эйдану было ясно: именно это она и имеет в виду.

Внутри у него разверзлась ужасная тошнотворная бездна, его окатила двойная волна стыда. Стыдно ему было, во-первых, что он не знал о смерти мистера Брендона, а во-вторых – что теперь ему приходится беспокоить даже-более-совершенно-чужого-человека. А кроме того, у него появилось чувство, будто он налетел на стену. Больше ему было некуда идти – буквально.

В отчаянии он спросил:

– Тогда можно мне увидеть профессора Хоупа?

Ничего другого ему в голову не пришло.

– Ну, наверное, можно, – неохотно согласилась миссис Сток. – Но я тебя предупреждаю, у него в голове один компютер, он, может, вообще не услышит, сколько ни ори ему. Я с утра пытаюсь до него докричаться, да без толку. Ладно, проходи. Сюда.

Она провела Эйдана по темному каменному коридору. Походка у нее была просто невероятная: впрысочку и с широко расставленными ногами, словно тощая собеседница Эйдана ступала по сторонам низкой стенки или чего-то в этом роде.

– Тут к вам пришли, – объявила тощая женщина. – Как бишь тебя? Эрвин Грей? В общем, вот он, – добавила она, адресуясь к Эйдану, и зашлепала прочь.

– Это я, Эйдан Кейн, – сказал Эйдан, моргая от яркого-яркого света, заливавшего тесный захламленный кабинет.

Человек, сидевший за компьютером у одного из двух больших окон, обернулся и заморгал на Эйдана в ответ. Он тоже был в очках. Может, все профессора очкарики? А в остальном – волосы у него были всклокоченные, светлые пополам с проседью, а одежда такая же мешковатая и поношенная, как у самого Эйдана. Эйдану сразу бросилось в глаза, что лицо у профессора Хоупа мягкое и немного овечье. Если человек претендует на право именоваться словом «внук», ему положено выглядеть гораздо моложе. Сердце у Эйдана упало еще глубже. Судя по всему, новый хозяин дома ничем ему не поможет.

Когда Эндрю Хоуп увидел Эйдана, он очень удивился. Мальчиков среди его знакомых было крайне мало, и Эйдан явно не входил в их число.

– Чем могу служить? – осведомился он.

«Хорошо хоть голос у него приятный», – подумал Эйдан. Глубоко вздохнул и изо всех сил постарался не дрожать.

– Я понимаю, вы меня не знаете, – начал он. – Просто моя бабушка... она меня вырастила... сказала... Она... она умерла на той неделе...

Тут Эйдан, к собственному ужасу, расплакался. Это совершенно выбило его из колеи. До сих пор он держался очень сдержанно и мужественно. Ни разу не заплакал – даже в ту кошмарную ночь, когда обнаружил бабушку мертвой в постели.

Эндрю испугался не меньше Эйдана. Все-таки плакали при нем редко. Однако он с первого взгляда понимал, когда дело серьезное, а когда нет, и сейчас дело было серьезнее некуда. Поэтому он вскочил и затараторил:

– Ну-ну, не надо... Тише, тише, тише... Мы что-нибудь обязательно придумаем. Сядь, Эйдан, сядь, отдышись, а потом все мне расскажи. – Он схватил Эйдана за локоть и усадил на единственный стул – жесткий, с прямой спинкой, стоявший в простенке между окнами, – не переставая тараторить: – Ты же не здешний, верно? Ты издалека приехал?

– Из Л-лондона, – выдавил Эйдан, упав на стул и неловко стягивая очки, чтобы их не залило солеными слезами.

– Тогда тебе нужно... нужно... – Эндрю совсем растерялся, бросился к двери, распахнул ее и завопил: – Миссис Сток! Миссис Сток! Принесите нам, пожалуйста, кофе с печеньем, скорее!

Издали донесся ответ миссис Сток – кажется, она крикнула:

– Вот только переставлю это треклятое пианино!

– Нет! Прямо сейчас! – загремел Эндрю. – Оставьте, наконец, пианино в покое! Я вам раз и навсегда запрещаю двигать это несчастное пианино! Принесите, пожалуйста, кофе! Прямо сейчас!

Вдали настала потрясенная тишина.

Эндрю захлопнул дверь и вернулся к Эйдану, бурча себе под нос:

– Я бы и сам сварил кофе, да она мне плешь проест, если я что-нибудь трону в ее драгоценной кухне.

Эйдан уставился на Эндрю, зажав очки в руке. Без очков было видно, что на самом деле этот человек отнюдь не мягок и ничем не напоминает овцу. В нем была сила – мощная и добрая сила. Эйдан видел, как она мерцает и клубится вокруг. Такой, пожалуй, все же сумеет ему помочь.

Эндрю свалил две инструкции к компьютеру и целую лавину брошюр по истории с другого стула и поставил его лицом к Эйдану.

– Итак, что сказала твоя бабушка? – спросил он, усевшись.

Эйдан шмыгнул носом, потом с натугой сглотнул. Он твердо решил больше ни за что не плакать.

– Она... она сказала, – проговорил он, – что, если после ее смерти я попаду в трудное положение, надо поехать в Мелстон и обратиться к мистеру Джослину Брендону. Показала мне Мелстон на карте. Несколько раз повторила.

– Ага. Понятно, – кивнул Эндрю. – А ты приехал сюда и узнал, что Джослин умер. Теперь здесь всего лишь я. К сожалению. Выходит, твоя бабушка была очень дружна с моим дедом?

– Она много о нем рассказывала, – ответил Эйдан. – Говорила, его область попечения гораздо важнее, чем у нее, и она всегда с ним советуется. Они писали друг другу. Она даже один раз ему звонила, когда за две улицы от нас случилось чрезвычайное происшествие – принесли человеческую жертву, – и ваш дедушка сказал ей, что именно делать. Бабушка была ему очень благодарна.

Эндрю нахмурился. Да-да, когда он бывал здесь в детстве, дед часто консультировал всевозможных магов и волшебников по всей стране. Как-то раз у задней двери объявилась совершенно растерянная шотландская ведунья. Джослин поговорил с ней, и она ушла с улыбкой. Правда, приходил и бородатый шаман с безумным взглядом, и юный Эндрю жутко испугался, когда во время завтрака увидел сквозь фиолетовое стекло, как на него таращится жуткая физиономия. Старик Джослин очень рассердился на шамана. Эндрю вспомнилось, как дед возмущался: «Не желает передавать область попечения человеку в здравом уме и твердой памяти! Чему он тогда удивляется, в самом деле?!»

Эндрю совсем о них забыл. А ведь подобные визиты, непонятные и страшноватые, нарушали безмятежное течение его каникул. Тут ему пришло в голову, что среди посетителей вполне могла оказаться и бабушка Эйдана, и он спросил:

– А кто она была, твоя бабушка? Как ее звали?

– Адела Кейн, – ответил Эйдан. – Певица...

– Вот это да! Правда? – Эндрю просиял. – Я и не знал, что у нее была область попечения! Когда мне было лет пятнадцать, я собирал все ее пластинки. Чудесная была певица, а уж какая красавица!

– Когда я жил у нее, она почти не пела, – проговорил Эйдан. – Бросила, когда мама умерла, а я перебрался к ней. Говорила, смерть моей мамы была для нее слишком страшным ударом.

– Твоя мама тоже была миссис Кейн? – осторожно спросил Эндрю.

Тут Эйдан несколько растерялся.

– Не знаю, были ли они вообще замужем, – пояснил он. – Бабушка не любила чувствовать себя связанной. Но при этом постоянно жаловалась на маму. Говорила, отец у меня был выскочка и маме не стоило выходить замуж за такую знаменитость. Больше я, честно говоря, ничего не знаю.

– Ага, – протянул Эндрю. Он понял, что затронул деликатные материи, и поспешил сменить тему. – Выходит, когда бабушка умерла, ты остался один на всем белом свете...

– На той неделе. Да, – ответил Эйдан. – Социальные работники расспрашивали, нет ли у меня других родственников, и Аркрайты тоже – это приемная семья, куда меня отдали. Только на самом деле... на самом деле я приехал сюда не из-за этого, а из-за Преследователей.

Тут Эйдану пришлось прерваться. Он не огорчился. Последняя неделя была самой скверной в его жизни, а Преследователи стали в ней последней жуткой каплей. Прервала его миссис Сток – она открыла дверь пяткой и, медленно развернувшись вокруг своей оси, вошла в комнату с большим подносом.

– Вот уж не знаю, чем я заслужила подобное обращение! – говорила она, когда снова оказалась лицом к ним. – Прямо-таки нашествие. Сначала этот мальчик. А теперь еще вас желают видеть мистер Сток со своим одноногим жокеем и его вообразулей-дочкой. А нашего Шона и в помине нету!

Похоже, миссис Сток не заботило, что все обсуждаемые персоны ее прекрасно слышат. Она водрузила поднос на ближайший стол, прямо на книги, а три визитера вошли в кабинет следом за ней. Эйдан поежился – ведь миссис Сток считала и его незванным гостем, – вжался в спинку стула и стал молча наблюдать за происходящим.

Первым вошел мистер Сток – само собой, в шляпе. Шляпа мистера Стока прямо-таки заворожила Эйдана. Некогда она была широкополая и фетровая. Вероятно, даже какого-то определенного цвета. Теперь же казалось, будто шляпа выросла на голове мистера Стока наподобие лишайника – мятая, потертая, тысячу раз прилепнутая вымазанными в земле руками, и теперь ее запросто можно было принять за исполинский гриб, по капризу природы похожий на гномий колпак. У шляпы была выпуклая серединка и обвисшие края. И характерный запах.

После шляпы Эйдана ждало еще одно потрясение – крошечный одноногий человечек, который проворно и энергично прошагал в комнату на костылях. «Вот кому пошла бы эта шляпа», – подумал Эйдан. Одноногий был гном, тут сомневаться не приходилось, настоящий гном, даже с бородой. А сидящая голова у него была непокрытая и с залысинами.

– Таркин О'Коннор, мой свояк; вы знакомы? – объявил мистер Сток.

Нет, не гном. Он ирландец – значит лепреккон, решил Эйдан.

– Я о вас слышан. Очень рад познакомиться, – сказал Эндрю и бросился расчищать очередное кресло, чтобы Таркин мог сесть – что Таркин и проделал, причем весьма ловко, одновременно приподняв культю, поставив костыли сбоку от кресла и благодарно улыбнувшись Эндрю.

– Тарк раньше был жокеем, – объяснил мистер Сток хозяину дома. – Дерби выигрывал. Он привел к вам на собеседование свою дочку, мою племянницу Стейси.

Тут Эйдана ждало третье потрясение – дочь Таркина О'Коннора. Она была прекрасна. Такие лица – с точеными высокими скулами и слегка раскосыми глазами – Эйдан раньше видел только на обложках модных журналов. И глаза у нее были зеленые-зеленые, будто у героини волшебной сказки, и тоненькая она была, будто тростинка – без преувеличения. Эйдан не мог

взять в толк, как у гнома вроде Таркина О'Коннора могла родиться эта прекрасная принцесса. Семейное сходство прослеживалось только в том, что оба были маленького роста.

Стейси решительно прошагала в комнату, улыбнувшись всем сразу, даже Эйдану и миссис Сток, и бросив на отца взгляд, говоривший: «Папа, тебе удобно?» Светлые волосы у нее развевались, и вместе с ней в комнату словно бы хлынули все те чувства, которые и означают, что ты – человек и в жилах твоих бурлит горячая кровь. Характер у нее, очевидно, был отнюдь не эльфийский. На ней были джинсы, стеганая жилетка и резиновые сапоги. «Нет, она не из сказки», – подумал Эйдан.

Миссис Сток свирепо глянула на нее исподлобья.

Таркин только поднял бровь, словно бы говоря: «Нечего меня опекать, сам справлюсь!»

Эндрю был потрясен не меньше Эйдана. Он не понимал, как здесь очутилась эта красавица. Подошел к ней, по пути наклонив еще один стул, чтобы стряхнуть с него бумаги, и пожал протянутую Руку.

– Стейси? – спросил Эндрю.

– Сокращенное от «Юстейсия». – Стейси кривовато усмехнулась, и сразу стало ясно, какого она мнения о собственном имени. – Все вопросы к моим родителям.

– К матери, – возразил Таркин. – Это ее любимое имя. Не мое.

– О чем нам с вами предстоит беседовать? – спросил Эндрю особым смущенным голосом. Этот тон не раз его выручал.

– Я предлагаю ее на место вашей секретарши, – провозгласил мистер Сток. – Думаю, на полставки. Ну, я пойду, а вы тут договаривайтесь!

И он зашагал прочь из комнаты, вытолкав заодно и миссис Сток.

В дверях миссис Сток бросила через плечо:

– Вот появится Шон – я его сразу к вам приведу!

Это прозвучало будто угроза.

После этого Эндрю был очень занят – раздавал всем кофе и толстые, мягкие неровные печеньки, которые постоянно пекла миссис Сток. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

– Сначала я улажу дела с юной леди, – извиняющимся тоном сказал он Эйдану. – А затем мы вернемся к нашему разговору.

Да он со мной прямо как со взрослым, удивился Эйдан. Потом ему пришлось пристроить чашку с кофе на конторку, снять очки и сморгнуть снова наворачнувшиеся слезы. После бабушкиной смерти все обращались с ним словно с ребенком, причем с маленьким, особенно Аркрайты.

«Ну, будь хорошим мальчиком, подойди обними меня!» – приставала миссис Аркрайт. А еще она говорила: «Не забивай себе голову, мой сладкий, взрослые сами все решат!»

Все были с ним добрые-предобрые – просто до тошноты. Стоило Эйдану об этом вспомнить, и у него все внутри заболело.

Между тем Эндрю спросил Таркина:

– Вы живете в коттедже с розами, верно?

Таркин поглядел на него осторожно и оценивающе и только потом кивнул.

– Каждый раз люблюсь, когда прохожу мимо, – продолжал Эндрю: было ясно, что он растерялся, но изо всех сил старается поддержать светскую беседу.

Таркин снова кивнул и улыбнулся.

– Ой, да ладно вам, без церемоний! – запротестовала Стейси. – Давайте по делу – или ты все-таки возражаешь, папа?

– Что ты, профессор мне по душе, – ответил Таркин. – Просто мы, по-моему, ему не нужны. Вы ведь затворник, – повернулся он к Эндрю.

– Да, – сказал Эндрю, от неожиданности не успев ничего придумать.

Эйдан, нацепив очки на коленку, пил кофе и зачарованно смотрел кругом. Без очков было видно, что в комнате находится сразу три человека с недюжинными волшебными талантами. Эйдан правильно заподозрил, что Таркин – этот умный и мужественный человечек – лепрекон; можно сказать, угадал. Он был прямо полон волшебства. Но какими именно способностями обладает Стейси, Эйдан не понимал. Она была такая... теплая. И прямая, будто солнечный лучик.

– Что вы все вокруг да около! – воскликнула она. – Профессор Хоуп, из меня получится хорошая секретарша. Я прошла обучение по всем нужным дисциплинам, в том числе магическим. Колдовству меня учил папа. Папа у меня в этом деле силен. Может быть, возьмете меня с испытательным сроком на неделю – чтобы без особых обязательств и без обид, если мы не найдем общего языка?

– Э-э... гм... – протянул Эндрю. – Думаю, мне трудно принять решение, поскольку у меня уже есть два работника с твердым характером. К тому же деньги...

Стейси запрокинула голову и рассмеялась в лицо потолочным балкам:

– Ох уж эти Стоки! – воскликнула она. – Никто из них не любит перемен. Ничего, привыкнут. А вы просто скажите «да» или «нет», хорошо? Я вам сообщила, сколько прошу за услуги. Не можете позволить себе такую сумму – скажите «нет», можете – скажите «да». Я оправдаю любые расходы, вот увидите. А потом снова займетесь этим бедным ребенком, а то он сидит и сходит с ума от беспокойства...

Все трое повернулись и посмотрели на Эйдана.

Таркин – судя по всему, он все это время наблюдал за Эйданом, только виду не показывал – произнес:

– Да тебя со всех сторон обложило, правда, сынок?

Стейси ослепительно улыбнулась Эйдану, а Эндрю посмотрел на него испуганным взглядом, в котором читалось: «Вот незадача. Все и вправду прескверно».

– А сейчас кто на тебя охотится?

– Ну, социальные работники... уже и в полицию, наверное, сообщили, – неожиданно для себя ответил Эйдан. Да, этот человек был и вправду силен. Эйдан хотел остановиться, но ничего не вышло: его неудержимо тянуло все выложить. – И три отряда Преследователей, а может, и больше. Два отряда позавчера ночью даже подрались в саду у моей приемной семьи. Аркрайты вызвали полицию, но сержант сказал, что это, скорее всего, коты. Ничего себе коты! Мы все видели тени... похожие на человеческие. К рассвету они исчезли. Потому-то я и сбежал сегодня с утра.

Настала короткая пауза, а потом Эндрю сказал:

– На той неделе у Эйдана умерла бабушка, а перед смертью велела ему, если что, обратиться к Джослину Брендону. А мой дед, сами понимаете, тоже уже умер.

Потом настала еще одна короткая пауза, и Стейси сказала:

– Выпей еще кофе.

– И дайте ему еще печенья, – добавил Таркин. – Ты завтракал, нет?

Эйдан испугался, что сейчас снова заплачет. Однако сумел сдержаться – только выдавил:

– У меня хватило денег на сэндвич с беконом.

– Хорошо, – одобрил Таркин. – А эти Преследователи... Они вроде привидений, так?

Эйдан кивнул:

– Три вида. По-моему, они точно знали, где я.

– Все сложно, – проговорил Таркин. – Полиция тут вряд ли поможет. Сынок, если меня спросить, так я считаю, тебе надо залечь на дно. У меня дома защиты меньше, чем здесь, но я буду рад пригласить тебя пожить. Мне и помощь будет не лишней.

Не успел Эйдан ничего ответить, как Стейси презрительно глянула на отца и вскочила с места.

– Да-да, папа, прямо вижу, как ты разгоняешь толпу привидений одним костылем! – воскликнула она. – Нужно принять разумное решение. Наверняка есть способ уберечь ребенка от беды. Там у вас, случайно, не свежая газета?

Эндрю, который протягивал Эйдану тарелку с печеньем и мало-помалу вырабатывал собственное решение, рассеянно огляделся и произнес:

– Да, по-моему, миссис Сток приносила сюда газету.

Стейси уже вытаскивала газету из-под подноса. Несколько разворотов она с досадой бросила на пол, на брошюры по истории, нашла страницу со спортивным разделом и расстелила ее на столе.

– Где в этой желтой газетенке печатают результаты скачек? А, вот, в самом конце. Посмотрим. Кемптон, Уорик, Лингфилд, Лестер – есть из чего выбирать. Ага, кто у нас выиграл первый заезд в Кемптоне? Я всегда беру первую строчку в списке...

Эйдан и Эндрю разом вытаращились на нее.

– А зачем вам? – разом спросили они.

– Советуюсь, – отозвалась Стейси. – Гадаю. Я всегда пользуюсь результатами скачек как оракулом. Беру первый и последний заезд на первом скаковом круге в списке, а потом последний заезд на последнем.

– Вы серьезно?! – не сдержался Эйдан.

– У нее получается, – без тени улыбки ответил Таркин. – Ни разу на моей памяти не ошиблась.

– Ох, полно вам, – сказал Эндрю. – Какое отношение имеет лошадь, победившая где-то там... – Он осекся, потому что Стейси прочитала:

– Два ноль пять в Кемптоне: первый – Мрачная Угроза, второй – Беглец, третий – Тихая Гавань. По-моему, это довольно точно описывает положение дел, правда? Теперь последний заезд. Первый – Надежда Эйдана, второй – Тайник, третий – Профессор. Мне кажется, вопрос закрыт. Профессор Хоуп (что значит «надежда»), Эйдан должен остаться у вас.

Эндрю был уверен, что Стейси все эти клички попросту выдумала.

– Не верю! – отчеканил он и выхватил у Стейси газету.

Нет же – вот они, черным по белому!

– Теперь сами поглядите про последний заезд в Лестере, – посоветовал Таркин. – Для нее это всегда решающий довод.

Эндрю покрутил в руках газету – и брови у него сами поползли вверх. Он прочитал срывающимся от изумления голосом:

– Первый – Смертельная Опасность, второй – Отважный Побег, третий – Решение Юстейсии. Нет, послушайте, – сказал он, – у лошадей обычно бывают имена вроде Царевна Багаджан, Лорд Ганнибал или что-нибудь арабское. Как вы поступаете, если вам попадаетесь нечто подобное?..

– А, это просто, – солнечно улыбнулась Стейси. – В зависимости от того, на каком месте стоит бессмысленная кличка – на первом, втором или на третьем, – они служат в пророчестве своего рода вопросительным знаком. То есть говорят, например, «Может, и так» или «Больше я ничего сказать не могу».

«Да эта девушка совсем с ума сошла, – подумал Эндрю. – Несет околесицу. Но мне и вправду нужна помощь с компьютером».

– Нет-нет, она в здравом уме, – очень вовремя заметил Таркин.

Эндрю хотел возразить и даже открыл было рот. Однако именно в этот момент в дверь сунулась миссис Сток:

– А вот и наш Шон! – объявила она. – Наймете его для всякого мелкого ремонта. А если не наймете, а вместо него возьмете Стейси, я уволюсь, и ищите себе другую домоправительницу!

Все уставились на нее. Эндрю, изо всех сил сдерживая смех, снял очки и медленно протер их носовым платком.

– Не искушайте меня, миссис Сток, – сказал он. – Ох, не искушайте.

Миссис Сток опешила.

– Ну и шуточки... – начала она.

Но тут до нее окончательно дошло, что это может быть и не шутка. Она искоса, снизу вверх взглянула на Эндрю.

– Ну, в общем, вот он, наш Шон, – сказала она.

И впихнула в комнату коренастого юношу.

Шону было лет восемнадцать. Эндрю, да и Эйдану, с первого взгляда стало понятно: Шон из тех, кого в Мелстоне называют «с придурью» – а Аркрайты, подумал Эйдан, назвали бы «с особенностями развития». Лицо и тело у него были пухлые, и почему-то сразу казалось, будто это они пытаются возместить то, чего не хватило мозгам. А глаза у него были до того выпученные, что веки туго натянулись по краям. Шон стоял, озадаченный и смущенный всеобщим вниманием, и от стыда теребил толстыми пальцами подол футболки.

– Он почти все умеет, – заверила собравшихся миссис Сток, протолкнувшись в кабинет вслед за Шоном. – Только надо сначала хорошенько объяснить, что к чему.

Все это время мистер Сток бдительно шнырял под открытыми окнами кабинета и следил, как там все продвигается у Стейси. Теперь он сунул голову вместе со шляпой в ближайшее окно.

– Да чтобы духу этого троллевого выродка тут не было! – завопил он. – В прошлом году все помидоры мне потоптал!

И тут все принялись орать друг на дружку. Шон завопил оглушительным тенором, что он ни в чем не виноват, Стейси закричала на дядюшку, чтобы не лез не в свое дело, а потом повернулась и закричала на миссис Сток. Миссис Сток закричала в ответ – все пронзительнее и пронзительнее: она вступилась за Шона, а Стейси посоветовала не совать свой начальственный носик в дела профессора Хоупа. Таркин подскакивал в кресле и вопил, что не желает сидеть и слушать, как оскорбляют его дочь, а мистер Сток мерно рокотал, словно большой барабан в оркестре, и костерил всех вместе и каждого в отдельности.

Эйдан в жизни не слышал ничего подобного, даже отдаленно. Он вжался в жесткую спинку своего стула и держал рот на замке. Эндрю закатил глаза. В конце концов он нацепил очки и прошагал к письменному столу, отыскал там длинную старую линейку, оттянул ее на себя и с силой ударил по корпусу компьютера.

БЛЯМС!

Крики оборвались. Эндрю снял очки, чтобы не видеть, как все уставились на него, не веря своим глазам.

– Благодарю вас, – сказал Эндрю. – Если вы уже закончили улаживать мои личные дела, я, пожалуй, сообщу вам свое решение. Шон, вы остаетесь работать здесь с испытательным сроком в неделю.

Эндрю стало жаль Шона, а от одной недели ни от кого не убудет.

– Вам это подходит? – спросил он.

Шон энергично закивал, у него явно отлегло от сердца.

– А вы, Стейси, поскольку вы разбираетесь в компьютерах, поступаете с испытательным сроком на месяц. Мне надо создать базу данных и ввести много документов, а в компьютере что-то раз ладилось. – И ладно бы только что-то одно, не надо было бить его линейкой. – Годится?

Миссис Сток свирепо глядела на него исподлобья. Стейси с задорным и победоносным видом ответила:

– Я могу по понедельникам, вторникам и пятницам. Когда начинать?

– В остальные дни она служит в Конюшнях, – пояснил Таркин.

– Тогда завтра и начнем, – постановил Эндрю. – В девять тридцать.

У Эйдана гора с плеч свалилась. До сих пор он был убежден, что Эндрю из тех, о кого все вытирают ноги.

– Мистер Сток, – продолжал Эндрю. – Я уверен, у вас много неотложных дел. А вы, миссис Сток, будьте любезны, постелите в гостевой комнате. Эйдан останется здесь, пока мы не поймем, как ему следует действовать.

– Ох, спасибо! – выдавил Эйдан.

От благодарности и облегчения у него дыхание перехватило.

Глава третья

Эндрю не терпелось как следует расспросить Эйдана, но с этим пришлось подождать до вечера, пока не уйдут мистер и миссис Сток. К тому же Эйдан все равно заснул, вымотанный до предела, едва миссис Сток проводила его в гостевую комнату.

Между тем внизу было очень беспокойно. Мистер Сток люто разозлился на миссис Сток за то, что та без спросу привела в дом Шона. Миссис Сток не могла простить мистера Стока за то, что тот оказал протекцию Стейси. Да и на Эндрю она сильно рассердилась.

– Вот честное слово, – жаловалась она сестре, – не надо было ему брать этого мальчишку, ведь у меня и без того столько обязанностей! А ведь мне даже не сказали, сколько он у нас пробудет. Говорила я тебе, этот человек витает в облаках!

И от возмущения, как обычно, приготовила запеканку из цветной капусты с сыром.

– Я ее съем, – сказал Эйдан, когда Эндрю хотел выбросить запеканку.

Эндрю замер, занеся тарелку над мусорным ведром.

– А пиццу не хочешь? – не без удивления уточнил он.

– Я бы и пиццу тоже съел, – робко ответил Эйдан.

Эндрю поставил запеканку – страшную месть миссис Сток – в духовку, и тут на него накатили и едва не сбили с ног воспоминания о том, до чего же много самому Эндрю требовалось еды, когда ему было столько же лет, сколько Эйдану. А за ними нахлынул целый океан далеко не таких отчетливых воспоминаний о том, что говорил и делал старик Джослин и сколько всего Эндрю от него узнал. Только они почему-то ускользали. А жаль, подумал Эндрю. Среди этих воспоминаний, несомненно, была уйма всего важного – и для него самого, и для Эйдана.

После ужина Эндрю отвел Эйдана в гостиную и принялся расспрашивать. Начал он деликатно, издавдала, с безобидных материй вроде школы и друзей. Эйдан оглядел комнату и с огорчением отметил, что у Эндрю нет телевизора, а потом стал охотно отвечать. Друзей у него

много, сказал он Эндрю, и школа ему нравится, только все это пришлось бросить, когда социальные работники увезли его и отправили к Аркрайтам, в богатое предместье Лондона.

– Правда, все равно скоро каникулы, – примирительно добавил Эйдан.

Он решил, что Эндрю, наверное, беспокоится за его образование, он же профессор.

Эндрю мысленно сделал себе заметку выяснить адрес Аркрайтов. Они ведь наверняка волнуются. После чего перешел к вопросам о бабушке Эйдана. На них Эйдан отвечал еще охотнее. Он был рад поговорить о ней. Совсем скоро у Эндрю сложился великолепный портрет обаятельной, душевной пожилой чудачки, которая и вправду прекрасно воспитала Эйдана. Кроме того, Эйдан очень ее любил, это было очевидно. Эндрю подумал даже, что не зря боготворил Аделу Кейн в те дни, когда коллекционировал ее пластинки, – оказывается, она и в самом деле была чудо.

Потом настала пора задавать самые трудные вопросы. Эндрю оглядел узкую уютную комнату с огромными, до пола, окнами, безмятежно открытыми навстречу вечернему солнцу. Вместе с закатом в дом лился нежный, сладкий аромат, – вероятно, это благоухали те немногие цветы, что посадил мистер Сток в свободное от овощей время. А может, и нет... Эйдан снял очки и настороженно поглядел на открытые окна, будто за ними таилось что-то страшное, а потом лицо у него посветлело – будто аромат был безвредный. И тогда Эндрю вспомнил: да, этот сладкий аромат стоял в доме всегда, стоило открыть окна.

Ему стало досадно. Неужели у него настолько скверная память и без Эйдана ему и не вспомнить все то, что надо бы знать самому?! В утешение Эндрю решил выпить, совсем капельку. Это была и вправду капелька – в такой крошечной рюмке, что Эйдан даже удивился. Разве от такого глоточка что-нибудь почувствуешь? Правда, тут же подумал Эйдан, лекарства ведь тоже пьют по чайной ложке, а они бывают очень сильные.

– Знаешь, – сказал Эндрю, снова устраиваясь в удобном кресле, – я, пожалуй, должен спросить тебя, что это за тени-преследователи, о которых ты упоминал.

– Вы не поверили, да? – печально спросил Эйдан.

Ничем не лучше социальных работников и полицейских, подумал он. Они тоже не поверили ни единому слову.

– Конечно поверил, – успокоил его Эндрю. Он понимал, что, если этого не скажет, из Эйдана будет ни слова не вытянуть. – Не забывай, мой дед был могущественный волшебник. Мы с ним видели много странного. – И в самом деле видели, внезапно понял Эндрю, хотя он под дулом пистолета не вспомнил бы, что именно. – Когда ты в первый раз заметил этих тварей?

– В ту ночь, когда бабушка умерла, – ответил Эйдан. – Первый отряд объявился у нас в саду за домом и стоял там. Такие высокие, царственные. Звали меня по имени. То есть я думаю, что они звали меня, но на самом деле они кричали «Адам»...

– Перепутали имя? – спросил Эндрю.

– Не знаю. Его все время путают, – сказал Эйдан. – Социальные работники тоже называли меня Адам. Ну я и побежал к бабушке рассказать про Преследователей, а она... – Тут ему пришлось умолкнуть и сглотнуть. – Так я и обнаружил, что она умерла.

– И что ты сделал? – спросил Эндрю.

– Позвонил в службу спасения, – убитым голосом отозвался Эйдан. – Больше ничего в голову не пришло. Когда приехала «скорая», Преследователи исчезли. А потом я их увидел только возле дома Аркрайтов, когда на тот, первый отряд напали еще два. Это было через день. Наверное, дело в том, что до тех пор я в основном сидел в кабинете социального работника и все друг другу звонили и выясняли, куда меня деть, вот Преследователи и не могли до меня добраться. Понимаете, зайти в дом они не могут.

– Знаю-знаю. Их надо пригласить, – кивнул Эндрю. – Или они стараются тебя выманить. А ты не дурак и не стал их слушать.

– Очень страшно было, – признался Эйдан. И печально добавил: – Остальные два отряда тоже не знали, как меня зовут. Кричали «Элан» и «Этан». Да и Аркрайты не знали. Называли меня Эдриен и твердили, что я должен забыть про бабушку...

До чего же странно и горько жилось Эйдану всю эту неделю, подумал Эндрю: кругом одни чужие, которые и имени-то его не знают. Похоже, времени оплакать бабушку у Эйдана тоже не было, его даже на похороны не позвали. А ведь право горевать есть у каждого.

– Не мог бы ты подробнее описать кого-нибудь из Преследователей?

Оказалось, это Эйдану трудно. Дело не только в том, что они всегда приходили в темноте, объяснил он. Просто они до того странные, что слов не подобрать. После нескольких тщетных попыток Эйдан предложил:

– Давайте я лучше нарисую.

Эндрю поймал себя на том, что то и дело посматривает в окно на алый закат. Нет-нет, рисовать этих тварей определенно не следует.

– Не надо, – сказал он. – Думаю, это лишь привлечет их к тебе. Мой дед следил, чтобы его земли были в полной безопасности, однако мне кажется, рисковать не стоит. – Он поставил крошечную рюмочку и встал. – Так, давай сменим тему и вернемся к ней при дневном свете. Пойдем, поможешь мне, пока еще не стемнело, избавиться от всякой всячины, которой меня наказывает мистер Сток.

И он двинулся в кухню.

Эйдан и не подозревал, что овощами можно наказывать, пока Эндрю не привел его в кладовую и не показал коробки. Но уж тут-то Эйдан ему поверил.

– В жизни не видел столько редиски сразу, – сказал он.

– Да, несколько сотен, и все с червоточинкой, – ответил Эндрю. – Ты бери редиску, а я понесу брюкву и капусту.

– А куда мы их уберем? – поинтересовался Эйдан, когда они взяли по увесистой коробке.

– Вон туда, на крышу дровяного сарая. Там высоко, мистер Сток не увидит, – пояснил Эндрю. – Я никогда не спрашиваю, кто сжирает их по ночам.

– Наверное, вегетарианец, причем очень строгий, – пропыхтел Эйдан.

Даже редиска может быть очень тяжелой, если ее такая куча. Когда он, пошатываясь, свернул за угол, двинулся вдоль глухой стены дома и увидел дровяной сарай – высокую ветхую пристройку, – то добавил:

– Очень рослый строгий вегетарианец.

Эндрю плюхнул коробку на землю и сказал:

– Уфф. Однако, как всегда говаривал дед, лучше не пытайся узнать, кто это, а то не обрадуюсь.

Тем не менее Эйдану было очень интересно, кто же этот вегетарианец. Пока Эндрю ходил за кухонной табуреткой, всегда выручавшей его в подобных случаях, а потом забирался на нее и, встав на цыпочки, закатывал на крышу капусту, а затем набрасывал сверху горстями редиску – довольно много редиски со стуком сыпалось в траву, – Эйдан вдруг понял, что человек, не пожелавший разбираться в такой странной истории, заслуживает презрения. Может быть, этот вегетарианец умеет летать? Нет, ведь пока Эйдан собирал свалившиеся на землю редиски, он заметил, что трава в этом месте сильно вытоптана. Жираф? Что-то в этом роде. Долговязый Эндрю выкладывал на крышу брюкву, вытянувшись во весь рост. Он сам, плюс длина руки, да еще высота табуретки – все вместе составляло, наверное, футов двенадцать. Ну, или, скажем, метра три-четыре.

– А ваш дедушка говорил, откуда приходит этот пожиратель?

Эндрю развернулся и ткнул в пространство большой сизой редькой.

– Из-за Мелла, – ответил он. – Будь добр, подай мне остальную редиску.

Эйдан огляделся. В этом месте сад шел под уклон и кончался живой изгородью, дыры в которой были затянуты проволокой. За изгородью простирались залитые красным светом луга – их было несколько, и они тянулись до самого закатно-розового холма примерно в миле от дома. Холм весь ошетинился кустами и низенькими деревцами. Есть где спрятаться, размышлял Эйдан, подбирая редиску. Неужели профессор не ходил туда просто посмотреть? Внутри у Эйдана все чесалось от любопытства. Он дал себе слово, что сходит и посмотрит, обязательно найдет ответ на эту загадку. Все выяснит. Просто не сегодня. Его все еще одолевала смертельная усталость.

И так сильно одолевала, что он отправился спать, едва они вернулись в дом. Последнее, что помнил Эйдан – когда он поднимался по темной скрипучей лестнице, Эндрю сказал ему вслед из коридора:

– По-моему, нам надо купить тебе кое-что из одежды.

Именно это Эндрю и повторил на следующее утро, едва Эйдан, сонно покачиваясь, вошел в кухню, где Эндрю ел тост.

– Мне в любом случае надо в Мелфорд, – пояснил Эндрю. – А тебе, конечно, нужен непромокаемый плащ.

Эйдан поглядел, идет ли дождь. И увидел – в первый раз по-настоящему увидел – разноцветный витраж в задней двери. Пока Эндрю загружал в тостер еще несколько кусочков хлеба и гостеприимно искал Эйдану кукурузные хлопья, Эйдан снял очки и поглядел на витраж. Он в жизни не видел ничего столь явно волшебного. Несомненно, стеклянная вставка каждого цвета была предназначена для чего-то своего, только Эйдан не понимал для чего. Однако и весь витраж целиком тоже что-то делал, что-то другое. У Эйдана снова все зачесалось от любопытства – почти как вчера. Ему страшно захотелось выяснить, что этот витраж делает.

Эндрю заметил, что Эйдан снял очки. И хотел спросить зачем. Пока они завтракали, Эндрю размышлял, какими волшебными талантами наделен Эйдан и насколько они сильны – и как спросить о них Эйдана, не показавшись неделикатным и не обидев его.

Но тут ему пришлось бросить пакет с хлопьями прямо на стол и броситься к двери – за разноцветным стеклом проступил силуэт шляпы мистера Стока.

Мистер Сток все тщательно обдумал. Он по-прежнему люто злился на миссис Сток и, дабы досадить ей, намеревался и вовсе не приносить сегодня овощей. С другой стороны, он был доволен, что Эндрю взял на работу Стейси, – хотя не мог взять в толк, зачем Эндрю было брать к себе еще и этого беспризорного мальчишку. Предсказания по скачкам, с его точки зрения, были не более чем чушь, которой Стейси вечно морочит всем голову.

Вот почему тем утром он ворвался в кухню без единого слова, кивнул Эндрю, а Эйдану не стал и с размаху водрузил на стол возле пакета с хлопьями коробку от детских ботиночек. Внутри лежал крошечный пучок петрушки.

Эндрю закрыл за мистером Стоком дверь и расхохотался. Эйдан вспомнил вчерашнюю груду редиски и захихикал. Они всё смеялись, переставали, а потом начинали снова – когда появилась миссис Сток, принесла свежую газету и осторожно подтолкнула вперед Шона.

– Не забудьте все ему как следует объяснить, – велела она.

– Хорошо, – ответил Эндрю. – Минуточку. Хочу взглянуть на сегодняшние результаты скачек.

– Я не приветствую, когда играют на скачках, – объявила миссис Сток, сняла пальто и достала из шкафчика накрахмаленный синий халат.

– По-моему, это гадание на скачках – полная ерунда, – сказал Эйдан.

– Может, и так, но мне хочется самому проверить. Поглядим. Первый заезд в Каттерике...

Он умолк и вытаращил глаза.

– Что там пишут? – спросил Эйдан, а миссис Сток между тем отодвинула Шона в сторону, словно мебель в гостиной, и стала убирать со стола.

– Первый, – слегка придушенным голосом прочитал Эндрю, – Триумф Шона...

– Да я ни за какие!.. – воскликнула миссис Сток в разгар натягивания ярко-розовых резиновых перчаток.

– Второй, – читал дальше Эндрю, – Идеальная Секретарша, а третий – Монопод. То есть кто-то одноногий. Если предположить, что это означает Таркина О'Коннора, выходит, все удивительным образом совпадает. Миссис Сток, я сегодня с утра собирался в Мелфорд. Подготовьте мне, пожалуйста, список покупок.

Шон нервно прокашлялся:

– Что мне делать, профессор Хоуп?

Эндрю понятия не имел, чем занять Шона и что он вообще может. Он повертел в голове так и эдак мысль о том, не дожидаться ли Стейси и не поручить ли ей придумать Шону работу, но передумал: это было бы нехорошо по отношению к ним обоим. Пораскинул мозгами. Где от Шона будет меньше всего вреда?

– Э-э... гм. Шон, надо прибрать в старом сарайчике во дворе. Как вы думаете, вы сумеете это сделать?

Шон просиял от усердия и даже постарался сделать умный вид.

– Да-да, профессор. Это я могу.

– Тогда идите, – сказал Эндрю. Потом ему пришло в голову, что Эйдан, вероятно, лучше знает, какие поручения можно дать Шону, и он спросил Эйдана: – Хочешь пойти с нами?

Эйдан кивнул. Миссис Сток металась по кухне, что твой смерч, и очень его смущала.

Они вышли под серую морось. И как раз проходили перед домом, чтобы свернуть на задний двор, когда по подъездной дорожке к крыльцу подкатил автомобильчик и резко остановился, зашуршав мокрой щеткой. Это была машина Таркина, специально приспособленная для инвалидов, и за рулем сидел он сам. Распахнулась пассажирская дверь, и из машины выпорхнула Стейси. Эндрю несколько ошеломлен. Сегодня Стейси решила одеться, как положено настоящей секретарше. Ни тебе резиновых сапог, ни тебе стеганых жилеток. Опрятная белая блузка, короткая темная юбка и туфли на высоких каблуках. Эндрю был вынужден признать, что выглядит Стейси великолепно, особенно ножки. Жаль, что она совсем сумасшедшая.

– Я первым делом налажу компьютер, да, профессор? – крикнула она и, не успев Эндрю ничего ответить, пробежала под дождем и юркнула во входную дверь.

Между тем Таркин ловко выбрался из машины и пристраивал под мышки костыли.

– Профессор, у меня к вам разговор будет, когда у вас найдется минутка, – сказал он. – Коротенький, но важный.

– Разумеется, – ответил Эндрю. Наверняка разговор будет о том, чтобы-не-смел-лезть-к-моей-дочери, подумал он. Это можно понять. Наверное, хлопотное это дело – быть отцом сумасшедшей красавицы. – Прошу вас, подождите меня в гостиной. Мне нужно дать Шону задание.

Таркин кивнул и запрыгал на костылях к входной двери. Эндрю, Эйдан и Шон обошли дом и оказались в саду, где стоял полуразвалившийся сарайчик. Эндрю никогда не понимал, зачем его построили. В качестве мастерской художника? Сарайчик был древний и сложен из мелких красных кирпичей, каких в наши дни и не встретишь, с односкатной крышей. Давным-давно кто-то покрыл кирпичи тонким слоем известки, но она уже по большей части облезла. По размерам сарайчик мог бы служить – разве что впритык – конюшней или каретным сараем, однако у него совсем не было окон, только низенькая полукруглая, на старинный манер, дверца. Крыша у сарайчика текла. Кто-то – опять же давным-давно – покрыл черепицу несколькими слоями брезента, чтобы крыша не протекала. Вдоль стен густо кустилась крапива.

Эндрю с натугой отворил дверь – в сумрак, загроможденный мешками с цементом («Зачем деду понадобился цемент?» – удивился Эндрю), банками с краской («Да и краска тоже...») и старыми садовыми креслами. Посередине висела старая ржавая косилка, заводить которую умел на всем белом свете один мистер Сток.

Шон с разгону налетел на косилку и ободрал пухлую лодыжку.

– О-ой, – прорычал он. – Тут темно. Ничего не видно.

– Минуту. – Эндрю вышел наружу, забрался в самую гущу крапивы, встал на цыпочки и с трудом дотянулся до угла брезента. Дернул. Брезент сполз ему на голову, осыпав старой штукатуркой, сухими веточками и безымянным хламом.

Эйдан в сарайчике вскрикнул, а Шон застыл с разинутым ртом. Оказалось, в крыше есть наклонное окно. Оно было сделано из разноцветных квадратных стеклышек – в точности как верхняя половина кухонной двери, – причем, очевидно, так же давно. Однако эти стекла, в отличие от витража на двери, были покрыты древней грязью и местами потрескались. С них густыми прядями и толстыми фестонами свисала паутина, колыхавшаяся на сквозняке от двери. Но все равно в окно хлынул поток разноцветного света. В этом свете Эйдан разглядел, что стены сарайчика обшиты деревянными панелями, древними, выгоревшими, а на них вырезаны дюжины фантастических фигур, жаль, под толстым слоем пыли было непонятно, кого они изображают. Эйдан снял очки, чтобы все разведать.

Между тем снаружи сарайчика Эндрю выпутался из брезента, и под его ногами ветхая ткань рассыпалась. Эндрю снял очки протереть и с огорчением понял, что одним махом порушил множество дедовских чар. Или прадедовских. А может быть, и прапрадедовских заодно.

– Идите посмотрите! – крикнул из сарайчика Эйдан.

Эндрю пошел и посмотрел.

Дуб, подумал он. Пощупал ближайшую панель. Цельный дуб, весь изрезанный узорами, цветами и зверями. Старый дуб. Кирпичная обшивка была лишь маскировкой, скрывавшей средоточие волшебства.

– Господи, – проговорил Эндрю.

– Правда, здорово? – спросил Эйдан.

Шон, не сводивший глаз с косилки, сказал:

– Да это церковь.

– Нет, не совсем, – ответил Эндрю, – но я понимаю, что вы имеете в виду.

– Профессор, – с энтузиазмом объявил Шон, – я могу починить косилку. Будет работать. Честно. Можно?

– Гм, – ответил Эндрю. Он сразу представил себе, как ревниво мистер Сток относится к своему таланту запускать косилку. Но у него не хватило духу огорчить Шона. Бедняга глядел на него с таким энтузиазмом, так хотел показаться умнее, чем был на самом деле. – Ох, ну хорошо, – сказал Эндрю. И вздохнул. Пусть завтра ему за это будет шестьдесят два кочана капусты, подумаешь... – Почините косилку, Шон. А потом – слушайте меня внимательно, – потом вам надо будет тщательно расчистить этот сарайчик. Сделайте это очень бережно и осторожно,

ни в коем случае ничего не ломайте и не разбейте, особенно окно в крыше. Если понадобится, потратьте на это несколько дней. Главное – навести здесь чистоту и порядок. Договорились?

Шон сказал:

– Да, профессор. Спасибо, профессор.

Эндрю не был уверен, что Шон его вообще слушал, а тем более понял. Зато он не сомневался, что Шон был доволен. Когда Шон был доволен, то размахивал руками, будто младенец, растопырив во все стороны пухлые пальцы, словно лучи у морской звезды, и сиял.

– Можно, я ему помогу? – спросил Эйдан.

Ему не терпелось выяснить, что тут на самом деле было, в этом сарайчике.

– Десять минут, – сказал Эндрю. – Не забывай, мы едем в Мелфорд покупать тебе одежду.

Он оставил Эйдана и Шона заниматься сарайчиком. Вытряхивая из волос грязь пополам со старыми чарами и на ходу обмахивая их с джинсов, он отправился в дом – слушать нотации Таркина.

Таркин сидел на стуле с прямой спинкой, положив культю на табурет от пианино. А ведь культя, наверное, сильно болит, подумал Эндрю.

– Да нет, – сказал Таркин, словно Эндрю произнес это вслух. – То есть та половина, которая осталась при мне, вообще не болит. Донимает меня та половина, которой нет. В основном колет ниже отрезанного колена, будто я ногу отсидел. А в данный момент у меня свело отсутствующую икру. Что-то мне не удастся убедить ногу, что там нечего сводить. Стейси все советует попробовать гипноз, но это ведь кто-то будет копать у меня в голове, давать тайные приказы – нет, это мне не по душе. То есть совсем не по душе, вот я никуда и не пошел.

– Да, мне бы такое тоже не понравилось, – согласился Эндрю.

Он словно бы видел отсутствующую ногу Таркина – жилистую ногу, лежащую на табурете от пианино, и тугой болезненный ком сведенной мышцы на икре. Ничего себе телепат этот Таркин.

– О чем вы хотели со мной поговорить?

– А. Это... – Вид у Таркина вдруг сделался смущенный. – Стокки и Стейси с чего-то решили, будто именно я должен с вами поговорить, шут его знает почему, ну вот я и решил ковать железо, пока горячо, а то как бы не струсить. Простите, что спрашиваю. Вы были здесь, в этом доме, когда умер ваш дедушка?

Этого вопроса Эндрю никак не ожидал.

– Нет, – ответил он. – Я проезжал по дороге тут неподалеку, еще не знал, что он умер, и видел его призрак. Тогда и поехал прямо сюда.

Таркин пристально взглянул на него.

– И как он, призрак?

– Был крайне нетерпелив, – припомнил Эндрю. – Пытался вручить мне какую-то бумагу с большой сургучной печатью, я хотел ее взять, но рука прошла сквозь нее. Я думал, это его завещание, но когда адвокат показал мне его, оно было другого формата.

– Ага, – кивнул Таркин. – Так мы и думали. Вы и правда ничего не знаете. Послушайте моего совета, начинайте искать этот документ сию же минуту. Это Джослин, судя по всему, хотел передать вам область попечения. Из той бумаги вы и поймете, что вам полагается сделать, – уж яснее, чем из моих слов.

– Что мне полагается сделать с чем? – не понял Эндрю.

Таркин заерзал на стуле, вид у него снова стал смущенный.

– Честно говоря, точно не знаю, – признался он. – Я же не волшебник, не чета Джослину Брендону. У меня есть кое-какие, с позволения сказать, неофициальные таланты – вот розы разводить, лошадей понимать и все такое прочее, – а у него все было взаправду, у Джослина-то, он и в старости, когда я сюда перебрался, был еще о-го-го, хотя и отстал уже немного от времени. Я только одно знаю наверняка – в наших краях, в радиусе десяти миль с лишним, все

как-то странно. По-особенному. И Джослин за этим следил. И хотел передать свои обязанности вам.

– Но волшебник, не больше вашего! – запротестовал Эндрю.

– Могли бы и заделаться, – отозвался Таркин. – По мне, так вам не мешало бы немного попрактиковаться. У вас есть дар. И еще вам надо найти ту бумагу. Я велю Стейси тоже искать, когда она наладит компьютер. А если вам понадобится помощь, ну там объяснение или совет, – положитесь на меня. По правде говоря, буду только рад помочь. Видите ли, мне иногда бывает нужно отвлечься от мыслей о прерванной карьере, а для этого требуются сильные средства.

Эндрю понимал: Таркин отнюдь не шутит. Самому Эндрю было трудно даже представить себе, что такое жизнь жокея, но сразу стало ясно, что она была столь же увлекательна, как его собственная работа над книгой, и так же поглощала все время и силы. И тут Эндрю подумал: а ведь плохо бы ему пришлось, если бы он вдруг потерял обе руки и не мог писать свою книгу – и вообще больше не смог бы писать никаких книг.

– Благодарю вас, – произнес он.

– Не за что, – сказал Таркин. – Ну, я тогда пойду. – И вдруг просиял. – Ногу отпустило! – воскликнул он. – То есть, конечно, виртуальную ногу. Прямо как по волшебству. В общем, пойду я, а вы, если решите, что я знаю что-нибудь полезное про Мелстон, спрашивайте, не стесняйтесь.

Глава четвертая

По дороге в Мелфорд у Эндрю не шло из головы все то, что сказал ему Таркин. Сидевший рядом с ним Эйдан никак не мог совладать с ремнем безопасности – ему нечасто приходилось ездить в автомобилях.

– Пихай, пока не щелкнет, – посоветовал ему Эндрю.

После чего задумался еще и об Эйдане. И об этих его непонятных Преследователях. Надо по возможности защитить Эйдана от них и устроить ему каникулы, решил Эндрю, пока не появятся социальные работники. Что еще можно сделать, неясно. А теперь, судя по всему, Эндрю полагалось взять на себя заботы о дедовской области попечения. Эндрю с детства слышал разговоры об областях попечения, однако, если разобраться, лишь приблизительно представлял себе, что это такое. Он никогда толком не понимал, чем, собственно, занимается его дед. Вероятно, в том документе, который тщетно пытался ему вручить призрак деда, все и разъяснялось. Только где же она, эта треклятая бумаженция? При жизни Джослина Эндрю ее в глаза не видел. Придется теперь искать, а это опять помешает работать над книгой. Все на свете будто сговорилось ему мешать. А Эндрю было так нужно писать эту книгу, что даже сердце ныло. В конце концов, он и Стейси пригласил именно для этого.

Это натолкнуло его на мысль о деньгах. Он же не рассчитывал, что придется нанять еще двух человек и, кроме всего прочего, покупать Эйдану новый гардероб. К счастью – и не только благодаря мистеру Стоку, – пропитанием Мелстон-Хаус себя обеспечивал, однако, если учесть, сколько Эйдан ест, это капля в море... Этак и разориться можно, невольно подумалось Эндрю.

Размышляя обо всем этом, Эндрю миновал новые дома на окраине деревни и футбольное поле и выехал в поля. Еще мили через две он ощутил знакомый толчок, словно машину на секунду прицепили на резинку. Эйдана прямо подбросило.

– Что это?!

– Мы проехали границу между странным краем, который опекал мой дед, и нормальными землями, – объяснил Эндрю.

– Удивительно, – проговорил Эйдан. – По дороге сюда я ничего не заметил.

– Надо полагать, у тебя было полно других забот, – отозвался Эндрю.

И точно, подумал Эйдан. Он же весь издергался – боялся Преследователей, боялся, что таксист заметит, что деньги ненастоящие, боялся, что старый мистер Брендон не поможет ему. Все мысли, все тело прямо были от нервов. А теперь проснулось любопытство.

– А большой он, этот странный край? – поинтересовался он.

– Точно не знаю, – ответил Эндрю. – Таркин О'Коннор как раз недавно сказал, что в радиусе он десять миль, но я не уверен, что так много, или, может быть, это не ровный круг. С этой стороны деревни граница всего в двух милях от окраины. Граница по дороге в университет милях, наверное, в пяти, а больше я, к сожалению, ничего не знаю.

– Неужели вы не знаете, где проходит остальная граница, которая не по дорогам? – спросил Эйдан.

– Честно говоря, нет, – признался Эндрю.

Ему помнились долгие прогулки с дедом, однако он почему-то склонялся к мысли, что гуляли они внутри границы. На самом деле сфера странностей – то есть дедовская область попечения, – наверное, очень велика.

– Вам нужна карта, – сказал Эйдан. – Было бы очень интересно обойти вдоль всей границы, не только по дорогам, и посмотреть, где она проходит.

Эндрю задумался. Вот и Таркин говорил, что Эндрю обязан каким-то образом присматривать за этой сферой странностей.

– Не просто интересно, – сказал он. – По-моему, это необходимо. Обойти границу – моя обязанность.

– Я бы вам помог, – вызвался Эйдан. – Если хотите, могу взять карту и нанести на нее границу, как в школе на географии.

Да он рвался в бой не меньше Шона. Эндрю улыбнулся.

– Начнем, пожалуй, в эти выходные, – предложил он. – Тебе определенно понадобится непромокаемая ветровка.

Дождь зарядил снова, и Эндрю включил дворники.

Эйдан сидел молча и думал. Эндрю был к нему просто поразительно добр. Одежда ведь очень дорого стоит. Бабушка вечно сетовала, мол, одежда ужасно дорогая, а Эйдан ужасно быстро из нее вырастает. Еще бабушка постоянно твердила, что ни в коем случае нельзя залезать в долги. «С долгами придется рассчитываться», – говорила она.

А вот теперь он, Эйдан, хочет, чтобы Эндрю купил ему и ветровку, и все прочее. Эйдану стало очень стыдно. Конечно, у Эндрю и большой дом, и машина, а бабушка никогда не могла себе позволить ни того ни другого, и работает у него по меньшей мере четыре человека, но стоило Эйдану поглядеть на ветхие джинсы Эндрю и старую куртку на молнии, и он невольно засомневался, так ли уж Эндрю богат. А в уплату Эйдан не мог сделать ничего – вот только составить карту области попечения. Сущая ерунда по сравнению со всеми благодеяниями Эндрю.

Когда они приехали в Мелфорд и Эндрю въехал на парковку перед самым большим супермаркетом, Эйдана снова одолели угрызения совести. Эндрю еще и еду ему покупает. Бабушка всегда сокрушалась, что продукты нынче такие дорогие. Эндрю стало ужасно стыдно, и он со странной смесью отчаяния и надежды вытащил свой старый, тощий, пустой бумажник и заглянул в него.

И ахнул. И посерел, и голова у него закружилась – просто от неожиданности.

Эндрю, не успевший толком вылезти из машины, замер на полдороге и спросил:

– Что случилось?

Эйдан сорвал очки с носа и проверил – да, все взаправду. Зажав очки во рту, он вынул из бумажника толстую пачку двадцатифунтовых банкнот. Их была целая куча. И когда он посмотрел на них без очков, они никуда не исчезли.

– Деньги! – выговорил Эйдан с очками во рту. – Да ведь этот бумажник только что был совсем пустой, вот честное слово!

Эндрю сел обратно и закрыл дверцу.

– Можно взглянуть? – спросил он и протянул Руку.

Эйдан отдал ему бумажник.

– Получается, кто-то подsunул туда денег, – проговорил он и снова надел очки.

Эндрю ощутил, как старый кожаный бумажник тихонько шипит и пузырится под его пальцами. Он вспомнил, как дед объяснял ему, что означает это шипение.

– Очень сильные чары, которые наложили, когда делали бумажник, – сказал он. – Откуда он у тебя?

– Бабушка дала, – ответил Эйдан. – На той неделе, дня за два до... до смерти. Сказала, мол, забирай: это ведь единственное, что мой отец подарил маме, – кроме меня, конечно.

– А когда умерла твоя мама? – спросил Эндрю, медленно протягивая обратно чудесный бумажник.

– Когда мне было два года, десять лет назад, – сказал Эйдан. – Бабушка говорила, мой отец исчез с лица земли еще до моего рождения.

Он взял бумажник и снова снял очки, чтобы пересчитать деньги.

– То есть ты хочешь сказать, что бумажник наполняется деньгами именно тогда, когда тебе очень нужно? – поразмыслив, уточнил Эндрю.

– А? – Эйдан удивленно выпрямился. – Да. Похоже. Когда бабушка мне его отдала, там ничего не было, точно. Но когда я решил поехать сюда, там оказалось только-только на проезд. А потом на такси. Тьфу ты. Сбился. – И он начал заново пересчитывать двадцатифунтовые банкноты.

– Выходит, нужно, чтобы ты купил себе одежду сам, – не без облегчения сказал Эндрю. – Скажи-ка, а ты всегда снимаешь очки, когда считаешь деньги?

Эйдан снова сбился со счета.

– Нет, – сердито ответил он. Вот зачем этот Эндрю не вовремя пристает со своими расспросами? – Только когда надо посмотреть, что настоящее, что волшебное, а что и настоящее, и волшебное сразу. Вы же и сами умеете. Я видел, как вы так делаете.

– По-моему, я не... Разве?... – оторопел Эндрю.

– Когда вы колдуете, – пояснил Эйдан. – Вы снимаете и протираете очки, когда вам нужно, чтобы все вас слушались.

– Ох...

Эндрю откинулся в кресле и дал наконец Эйдану сосчитать деньги. Мальчик верно подметил. Эндрю и припомнить не мог, сколько раз он протирал очки, пока уговаривал свою ассистентку для разнообразия исполнить его просьбы. И лакомства у родителей выпрашивал точно так же. А один раз – Эндрю не сдержал улыбки – даже сдал устный экзамен по французскому, поскольку стал протирать очки, пока говорил с особенно злобным экзаменатором. Ему пришлось в голову, что на самом деле он сжульничал. Однако тот экзаменатор запугал его до полусмерти: Эндрю не то что французский, и английский-то позабыл. Главный вопрос – как это получается?

Размышляя над главным вопросом, Эндрю взял тележку и двинулся в супермаркет со списком миссис Сток – именно в том умонастроении, которое и заставляло миссис Сток восклицать: «Профессор! Вечно в облаках витает!» Эндрю тоже взял тележку и направился в другой конец магазина, в отдел одежды.

Эйдан думал, что сейчас его ждет море удовольствия. Ни разу в жизни он не покупал себе одежду сам. Ни разу в жизни у него не было столько денег. Он готовился кутнуть на

всю катушку. Однако, к его удивлению, оказалось, что он изо всех сил экономит – можно сказать, страстно. Он высматривал скидки, акции и плакаты вроде «два по цене одного». Бродя вдоль полок и вешалок, он лихорадочно складывал в уме цены (особенно его сбивало с толку, что очень многие вещи стоили столько-то фунтов и девяносто девять пенсов). Увидел великолепные кроссовки и с болью в сердце не купил их, поскольку за них пришлось бы отдать слишком много его собственных денег. Эйдан провозился целую вечность. Складывал покупки в тележку, а потом выкладывал их обратно, поскольку обнаруживал что-то подешевле. Едва не забыл про пижаму. Пришлось вернуться: пижама была ему очень нужна – иначе в чем выбраться ночью из дома и подсмотреть, кто пожирает овощи? Купил флиску – надеть на пижаму для тепла – и непромокаемую ветровку на молнии. Едва не забыл про носки. В результате у него получилась доверху наполненная тележка и два пенса в бумажнике. О радость! Он правильно все сосчитал. А все-таки жалко, что не хватило на те замечательные кроссовки.

И ничего, что он так долго прокопался. Эндрю провозился с покупками еще дольше. Почти все это время он простоял перед полками с сахаром и беконом – то глядел в пространство, то снимал и надевал очки, чтобы проверить, одинаково ли выглядят бекон или сахар. Они слегка расплывались, и только. Правда, кому придет в голову заколдовывать бекон? Как же все это действует? Вероятно, невооруженный глаз – без очков – видит в беционе потенциальную возможность подвергнуться колдовству, рассуждал Эндрю. Делает ли это мир реальным? А когда надеваешь очки, видишь, может быть, и четче, зато очки отсекают реальность. В этом дело? Или в чем-то совершенно ином?

Когда Эндрю все же сумел сложить в тележку все, что требовалось миссис Сток, и расплатиться, Эйдан ждал снаружи под моросящим дождем и боялся, что ошибся машиной.

И они покатали обратно в Мелстон. Дождь перестал, но Эндрю по-прежнему был рассеян, даже сильнее обычного. «Да, он и правда профессор, – думал Эйдан, глядя на то, как Эндрю морщит лоб и напряженно таращится. – Только бы ни во что не врезаться...»

Они свернули на подъездную дорогу к Мелстон-Хаусу и едва не врезались в Шона.

Шон стоял прямо за кустами и размахивал руками на свой младенческий манер, растопырив пальцы, словно лучи у морской звезды. Похоже, Шон и не понял, что был на волосок от смерти. Эндрю так сильно и быстро ударил по тормозам, что Эйдан посмотрел на него с уважением.

– Что случилось, Шон? – спросил Эндрю, преспокойно высунувшись из окна.

– Получилось, профессор! Получилось! – ликовал Шон. – Она поет. Прямо поет-заливается! Идите посмотрите!

Лицо у него было все красное от волнения и гордости.

Эндрю сообразил, что Шон, должно быть, говорит о косилке, и сказал:

– Пожалуйста, отойдите с дороги, я поставлю машину.

Шон послушно попятился в кусты, а потом побежал за машиной. Едва Эндрю и Эйдан выбрались наружу, как Шон тут же трусцой кинулся к странному сарайчику. Внутри, под витражным окном, в круге из ржавчины стояла косилка. Судя по всему, Шон ее отчистил.

– Ну, потяните стартер. Послушайте, она прямо поет! – упрашивал Шон.

Эндрю с некоторым сомнением нагнулся и взялся за ручку на конце тросика стартера. Обычно в подобных случаях ощущение было такое, словно тянешь за ручку, вросшую в материковый базальт. Если все складывалось удачно, тросик с жутким скрежетом вытягивался примерно на дюйм. Если неудачно, тросик не поддавался, сколько ни тяни. И как бы все ни складывалось, хоть удачно, хоть неудачно, после этого больше ничего не происходило. Но сегодня, стоило Эндрю легонько дернуть за ручку, и тросик размотался с нежным жужжанием. А когда он вытянулся на нужную длину, двигатель кашлянул, щелкнул, запыхтел и заурчал. Косилка вся содрогнулась, сарайчик наполнился синим дымом. Шон сотворил чудо. Эндрю похолодел. Он понял, что мистер Сток будет в ярости.

– Шон, какой вы молодчина! – с жаром воскликнул Эндрю и прикинул в уме, скоро ли у мистера Стока возникнет желание подстричь лужайки. – Гм... долго ли осталось до Мелстонского летнего фестиваля? – прокричал он, перекрывая рев косилки. – Как она выключается?

Шон протянул руку и ловко щелкнул нужным тумблером.

– Две недели, – проговорил он в звенящей тишине. – Через две недели и будет. Я думал, все знают.

– Значит, до того времени Стокова Кара нас не настигнет, – пробормотал Эндрю. – Умница, Шон. Теперь можете дальше расчищать сарайчик.

– А можно, я скошу траву? – взмолился Шон.

– Нет, – отчеканил Эндрю. – Это было бы крайне неразумно.

И Шон, и Эйдан очень огорчились. Эйдан только было подумал, что, если договориться с Шоном по очереди разгуливать с пытящей косилкой, будет весело. Шон уныло оглядел скопившийся в сарайчике хлам.

– А куда девать мешки с цементом? – спросил он.

Мешки с цементом простояли в сарайчике целую вечность, успели схватиться и стали похожи на рядок твердых валунов, обернутых в бумагу.

– Закопайте, – бросил Эндрю через плечо, подталкивая Эйдана к выходу. – Идем, Эйдан. Надо разгрузить машину.

Когда они шагали к машине через лужайку перед домом, Эйдан выразительно поглядывал на траву. Лужайка вся была в пучках и кочках. Между тем на ней густо росли ромашки, одуванчики и лютики и горделиво высились кусты чертополоха. Видывал он много нестриженных лужаек, но такого...

– И не проси, – проговорил Эндрю. – До самого фестиваля у мистера Стока будет забот по горло – надо ведь растянуть стручки фасоли и накачать помидоры. Он коллекционирует первые призы. А еще он очень гордится, что никто, кроме него, не умеет заводить косилку. Уповаю на то, что к фестивалю косилка примет прежнее обличье. Иначе не избежать мне горы вялого салата.

– Понятно, – ответил Эйдан. – Кажется.

– И морковок в ярд длиной, – горько добавил Эндрю.

Они выгрузили продукты и отнесли в кухню. Потом Эйдан вернулся за своими пухлыми пакетами. Пока он волок их наверх, в гостевую комнату, до него донесся гул, очень похожий на урчание косилки. Кажется, Шон не послушался Эндрю, подумал Эйдан, выглянув в окно на площадке. Однако оказалось, что гул издает инвалидный автомобильчик Таркина О'Коннора, приехавшего забрать Стейси на ленч. Вот и хорошо, подумал Эйдан. На подоконнике в кабине Эндрю лежит большой электрический фонарь. Пока Стейси нет, можно пойти и взять его. Ночью пригодится.

Эйдану нравилась комната, которую ему отвели. И размеры, и низкий потолок, и широкое низкое окно, прорубленное в стене толщиной три фута. Когда-то это окно, наверное, состояло из нескольких узких амбразур, решил Эйдан. Мелстон-Хаус явно был построен еще в те времена. А особенно Эйдана очаровало, что скрипучий деревянный пол шел под уклон ко всем четырем стенам. Если Эйдан клал завалившийся в кармане стеклянный шарик в середину комнаты, шарик укатывался к какой-нибудь стене – смотря куда и как его положить.

Однако, открыв дверь, Эйдан вздрогнул: в комнате зло и воинственно наводила порядок миссис Сток. Поскольку двигать мебель в гостиной ей запретили, она вымещала обиду на гостевой комнате. И смерила свирепым взглядом Эйдана с его пакетами.

– Ты, похоже, к нам надолго, да? – спросила она. – Тут тебе на всю жизнь хватит. Надеюсь, ты благодарен профессору Хоупу. У него, знаешь ли, деньги на деревьях не растут.

Эйдан уже хотел было сказать, что купил одежду на собственные деньги, и даже рот открыл. Но счел за лучшее его закрыть. Эндрю не любит запеканку из цветной капусты. А если

он, Эйдан, разозлит миссис Сток, она приготовит запеканку на ужин, а это рассердит Эндрю. А Эйдану было очень-очень надо, чтобы Эндрю не сердился, иначе его отправят обратно к Аркрайтам. А этого Эйдан, наверное, не перенес бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.